

Мария Дубровина

Сказ о жарком лете в городе Мороче, и чем всё кончилось.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Дубровина

Сказ о жарком лете в городе Мороче, и чем всё кончилось

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42875712

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-09910-4

Аннотация

Жарким летом в городе Мороче намечаются выборы градоначальника. Молодой кандидат хорош собой, народ за него горой, только вот предвыборная кампания получилась какая-то странная: вульгарно разодетые девицы носятся за будущим мэром табунами, религиозные фанатики ждут конца света, незнакомый с местной спецификой глава избирательной команды чересчур профессионально берется за работу. Дебют автора. В 2012 году роман вошел в длинный список премии «Дебют».

Содержит нецензурную брань.

Темнота отступала огородами. Солнце ещё не взошло, но Морфей уже прокрутил заключительные титры снов, которые показывал жителям Морочи минувшей ночью. Утомлённый и удовлетворенный, он выключил свой многоканальный проектор, уступая Морочанцев самим себе и их грёзам наяву.

В городе закукарекали будильники, зараздвигались шторы, позажигались лампы, засмывались унитазы, зачистились зубы, закипели чайники, зажарились яичницы. Хлеб, варенье, молоко, кофе, чай, с вечера пюре, брюки, чёрт, помятые, кофточка подмышками не воняет ли?

Хлынули на улицу, поштучно, парочками, кучками. Расфасовались по машинам, автобусам, маршруткам. Наводнили улицы, растеклись по-над дворами, в пути попросыпались.

И вот уж в полный голос кто кричит, кто подчиняется, кто матерится, кто объясняется, кто просит, кто не сдаётся, кто восхищается, кто возмущается, кто извиняется, кто умиляется – жители Морочи общаются.

- Давай, Петруха, скоренько.
- Иду, иду...
- Мужчина, осторожней!
- Подождите, девушка.
- Нечего без очереди!
- Да пошла ты, мымра старая.
- Неужели, так и сказала?
- А еще профессор!!
- Ай эм сорри, ай эм лэйт.
- Господи Иисусе...

На базаре было людно, несмотря на ранний час. В цветочных рядах свежесрезанные пионы оповещали о начале лета, бездушные тепличные розы гордо томились своей непреходящей всесезонностью, утирали росу запоздалые нарциссы, утешали их веселые ромашки. В молочных лавках бабки, бабы, бабоньки прилавки протирали, марлечки разворачивали, творог оголяли, сметану выставляли, на молоко кивали. Дальше косынки разноцветные выложили с огорода зелень, редисочку, лучок, прошлогоднюю картошку.

- Женщина, почем у вас щавель? – спросила Надя у приютившейся за прилавком бабки Тарасьевны.
- Двадцать рулей.
- А что ж так дорого?
- А ты его рбстила, ты его поливала? – рассердилась про-

давщица.

– А что стоит вот эта вот крапива? – к ним подошла недавно поселившаяся в Мороче Нелли Израиловна. Пухлой ручкой она указывала на присоседившуюся к щавелю колючую кучку.

– Двадцать рулей.

– Ну, так это же бурьян.

Щавеля на базаре больше ни у кого не было, а отец попросил зеленый борщ. Надя взяла щавель с прилавка и достала кошелёк. Тарасьева с готовностью накрыла освободившееся место такой же связкой.

– А что с крапивой делают? – поинтересовалась Надя.

– То же, что со щавелем, – ответила Тарасьева.

– Отдайте мне крапиву за пять, – предложила Нелли Израиловна Тарасьевне.

– Ну, берите щавель, раз крапива вам бурьян, – убирая Надины десятки, сказала Тарасьева.

– Кроме меня её у вас никто не купит. Кому она сдалась ваша вялая трава? Пять рублей – это хорошая цена, – продолжала настаивать Нелли Израиловна.

Надя не узнала, чем закончился торг. Она развернулась и пошла в крытый рынок, за говяжьей косточкой для бульона.

Два встречных людских потока, входящий и выходящий,

смешиваясь и проникая друг в друга, заполнили коридор между внутренними и внешними дверями. Судя по лицам спешащих вырваться наружу потребителей, посещение рынка не принесло им счастья. Но стремящимся внутрь покупателям некогда было обращать внимание на малозначительные лица их сограждан, и они рвались к цели с такой настойчивостью, как будто в помещении крытого рынка их ждал рай. Внутри Надя встретила с Эллаидой Мифодьевной, чьи древнегреческое имя и старорусское отчество были, казалось, символом неизбывной тяги совместить несовместимое, которая наполнила жизнь этой самоварно-экстравагантной особы необходимым смыслом.

В молодости она не была красавицей, и годы не прибавили ей ни привлекательности, ни умения подчеркнуть плюсы или завуалировать минусы своей внешности. Её вкус отвергал неписанный закон элегантности, по которому надетые на одно тело эксклюзивы, как противоположности, взаимоуничтожались. Эллаида Мифодьева предпочитала изобилие. «Мое положение требует быть всегда на высоте», – любила повторять она очередной собеседнице. Подразумевалось, что заданная высота была труднодостижимой, и приблизиться к ней можно было только за счет щедрого наслоения дорогостоящих тряпично-галантерейных красот. Рассказы Эллаиды о необходимости соответствовать каким-то мифическим стандартам зачастую сопровождалась жертвенным выраже-

нием лица, что ставило в тупик ее слушательниц. Оставалось непонятым, гордилась ли она этим самым положением, или оно ей было в тягость. Энигматичная неконкретность отношения Эллаиды к её должности личной секретарши директора ММК, Морочанского Молочного Комбината, самой крупной и крепкой производительной единицы города, не сберегла её от тоскливой зависти карьеристок, особенно молоденьких продавщиц, которых развелось в Мороче как грязи после возвращения России на рыночную стезю. Вопреки окружающему её недружелюбию Эллаида продолжала высокомерно концентрировать эксклюзивы и демонстративно игнорировать жадные взгляды знакомых и незнакомых барышень.

– Здравствуй, Надя.

– Здравствуйте, Эллаида Мифодьевна. Какая у вас красивая кофточка, – похвалила Надя легкую сиреневую блузу.

– Да это прошлогодняя еще, так, на базар сходить – закатали глаза Эллаида. – А ты, чё не работаешь сегодня?

– Мне во вторую. А вы выходная?

– Да, шеф поехал сына встречать в аэропорт, тот возвращается из Кембрижа, вот и сделал нам на сегодня утро выходное, по случаю.

– Чего ж он так рано возвращается, он же не так давно уехал?

– А ты подумай, – сузила глаза Эллаида, и прошептала, –

место мэра-то свободнае!

– Вы думаете?

– Да чё тут думать, и так понятно, уже весь город жужжит, а тебе что, отец ничего не сказал?

– Что вы говорите!?

– Нууу, ты как с Луны свалилась! О темпора, о море... – Эллаида толком не знала, что значила эта исковерканная ею латынь, но чувствовала, что эта фраза здесь кстати. – Между прочим, не так уж недавно он уехал, четыре года прошло.

Эллаида Мифодьевна открыла свою замшевую сумку и ловко вытащила оттуда позолоченный портсигар.

– Училище это кембрижское он, конечно, не закончил, сама понимаешь, не вундеркинд. Будешь? – она протянула Наде сигареты.

– Нет, спасибо, я не курю.

– Молодец. А я вот, подседа. Работа нервная, все равно здоровье гроблю, то хоть перекуры себе устраиваю, – Эллаида сжала сигарету узкими, красной помадой покрашенными губами и сделала первую затяжку. Затем она с небрежностью стряхнула свободной рукой невесть что с ворота блузки и многозначительно подняла брови.

– Едет. Едет жаних, – Эллаида выпустила дым, и добавила – выряджайтесь, девки, как можете.

Потом, как будто очнувшись, стала прощаться:

– Ну, я побегу, а то, знаешь ли, с моей работой выходные – явление экзотическое. Можно сказать, эксклюзивное, – громко рассмеялась Эллаида.

– Да, да, до свидания.

Новость взволновала Надю, но она шла по мясным рядам, не забывая анализировать свежесть разделанных трупов домашнего скота. Найдя и купив подходящую кость, она покинула базар.

В надежде успеть на зелёный, Надя перебежала газон наискосок по земляной тропинке, натопанной миллионами шагов, игнорирующих близость асфальтированного тротуара (что наглядно демонстрировало сокрушительную победу кривых линий над прямыми в борьбе за русскую провинцию) – и напрасно. Красный сигнал светофора зажегся, как раз когда она ступила на пешеходный переход. Ноги остановились, а мысли продолжали прыгать как зайчики от мозаичного зеркала. «Сначала поглажу халат, потом... Нет, сначала поставлю бульон, потом халат, потом котлеты пожарю, одновременно в бульон все покрошу, душ и на работу. Возвращается! Да еще и в мэры! И платье, шелковое надо погладить. Или оно еще не стиранное? Надо постирать. Не сегодня, конечно. Одеваться надо поприличней, все-таки в центре работаю, вдруг встретимся. Сегодня одену белые штаны и китайскую льняную кофточку, чтоб если что, хотя сегодня

вряд ли, но на всякий случай надо соблюдать презентабельность. Завтра срочно на рынок. Или лучше в «Этуаль»? Нет, весь «Этуаль» Эллаида скупила, девушки с фантазией и хорошей фигурой и на рынке что-нибудь себе подыщут. Но денег у отца все равно придется клянчить: на туфли».

Загорелся красный для автомобилей, и у светофора мягко притормозила одна из так называемых крутых тачек. Затемненные окна, непрменный атрибут очень крутых тачек, скрывали от взглядов прохожих – да, да, вот именно – сына директора молочного комбината. Сосредоточенная на своих мыслях о том, как она при встрече сразит Алёшу красивым вырезом и стройным каблуком, Надя не обратила внимания на машину. Она пробежала по пешеходному переходу как раз перед носом сына директора ММК в затертых джинсах, застиранной футболке, держа в руках рыночную кошелку, из которой мужественно торчал зелёный лук, не оставлявший никаких сомнений о тривиальности содержания оной. Но сын директора заметил бегущую девушку. Провожая ее взглядом, он оценил и легкость движений, и грацию фигуры, и даже солнечные зайчики, играющие в развивающихся русых волосах.

– Во, телка!

– Да, – отозвался с заднего сидения отец, – не перевелись еще, что называется. Кстати, о красавицах, – он кашлянул,

замешкался и не закончил. Алеша с хитринкой посмотрел на отца:

– Ты чего, батя?

– Да, вот, о красавицах, говорю...

– Ты, что, ко всему прочему и женить меня надумал?

– Да нет, что ты, ни в коем случае! То есть, если ты сам, то, пожалуйста, когда угодно, я ничего против не имею. Я не то имел в виду. Дело тут в том, что, понимаешь ли, обстоятельства так сложились, и положение в некоторой степени вынуждает, эта грязная история, сплетни, рога ретро-спективные, репутация, стыдно людям, да ко всему прочему, и за домом нужно, чтоб женская смекалка, – после подготовительной нестройной прогулки по вспомогательным доводам, директор молочного комбината, наконец, подвел сына к зарытой собаке – в общем, я, практически, можно сказать, женился.

Невнятное вступление директора объяснялось тем, что вот уже который месяц он сражался с неприятными и неподвластными ему обстоятельствами. Он давно отвык от неловких ситуаций, от лавирования в не подконтрольных ему условиях, когда за непредвиденный и нежелательный результат некого было наказать. А тут он оказался в центре нелепой семейно-политической интриги, разоблаченной, к тому же, самой что ни на есть трагической случайностью, которая и перевернула с ног на голову всю жизнь директора и сделала

из него карикатуру в глазах всей Морочи.

Еще лишь пару месяцев назад была у директора жена, складная и моложавая. Конечно, бывало, и ругались, и не первая она у него была, и сыну мачехой приходилась, и с сыном не ладила. Зато на официальных обедах она умела сказать вызывающий философскую улыбку тост, она со вкусом обставила новый дом, и даже предприняла попытку заняться благотворительностью, когда, сраженная смертью принцессы Дианы, отвезла в областной детский дом партию сухого молока.

– Ты ж всё равно его выбрасывать собрался, – справилась она у мужа, имея ввиду истёкший срок годности порошка. Директор, тронутый благородством жеста супруги, её талантом сотворить из отходов меценатство не стал посвящать её в тонкости безубыточного хозяйствования. Поцеловав её в щеку, он позвонил на склад и приказал списать залежавшийся продукт.

Жили они, можно сказать, в мире и согласии, поэтому когда в конце прошлой зимы жена поехала навестить на выходные сестру, якобы приболевшую, директор ММК ничего не заподозрил. Жена в обещанный воскресный вечер не вернулась. Хватились искать сразу же, с понедельника, и тут же выяснилось, что пропал и брат директора ММК, он же мэр

Морочи. В ходе оперативного расследования узнали, что у сестры своей жена директора не показывалась. Мэр же, по рассказам водителя Николая, с утра в субботу опохмелился и поехал на глухаря охотится.

– Я ему и грю, что перевелись тетерева, еще с войны. А он мне grit, другие, мол, времена настали, старик, то была война, grit. А теперь, grit, нет войны, ни горячей, grit, ни холодной, вот глухарь, мол, и вернулся. Сам слышал. В среду, grit, с области возвращался, по нужде, grit, остановился, а он токует, заливается, зовет токушечку свою. Поеду, grit, постреляю самца.

Водитель покойного мэра смутно чувствовал, что слишком часто повторял глагол «говорить» при пересказе диалога, и всё же не мог отказаться от перебора. Ему казалось, что опустив недвусмысленное указание на то, кто произносил ту или иную реплику, он лишит своё повествование если не стройности, то элементарной причинно-следственной взаимосвязанности. Загнанный в угол его незаменимостью, водитель Николай компенсировал учащенное использование слова изыманием его сердцевины с последующим сокращением.

– Так я ему машину с утра пригнал, – продолжал Николай. – Патронташ, правда, он чуть не забыл. А может и не

пригодится, grit, я ведь чисто, grit, на охоту еду, понимаешь, grit. Ну, я на бутылки посмотрел, и понял, – Николай грустно усмехнулся и почесал себе лоб.

Через несколько дней нашли их в лесу, в машине. Лобовое ДТП с деревом: нетрезвый водитель, мэр, не справился с управлением на расквашенной таянием вешней мерзлоты дороге. Классический случай.

А классика, как известно, редко оставляет зрителей равнодушными. Потому, хоть с одной стороны, никто в Морочке не удивился тому, что мэр погиб, с другой стороны, пикантные детали происшествия поразили даже привыкших к многосерийным бразильянско-мексиканским сериалам морочанцев. Путча в городском масштабе не заподозрили, потому как в бытность свою градоначальником, Кирилл Семеныч только и делал, что пил. Хотя дело было не в том, что мэр пил. В Морочке пили многие, и немногие многих этим попрекали.

Дело было в том, что он пил много, даже по Морочанским стандартам. Он просыпался и пил, завтракал и пил, документы подписывал – пил, с побратанцами-иностранцами встречался – пил, за ужином пил, по телевизору пил, на газетных фотографиях пил, в постели – пил, и даже не пытался ничего скрывать. Такого откровенного эксгибиционизма морочанцы не одобряли. Ну, напился, ну, выпись, ну, будь челове-

ком, всем тяжело, но все ж трезвеют хоть иногда.

Гибель мэра в результате аварии была воспринята населением, как вполне допустимый поворот судьбы, но некоторые элементы новизны сделали из хроники сенсацию. Морочанцы уже давно смирились с тем, что на двух наидоходнейших постах в городе прочно застряли зады братьев Трубных. Никто не удивлялся тому, что погода в Мороче зависела от того миром или дракой заканчивалась их очередная семейная посылка. Но вот на какие буквы позарилась жена директора в шалаше с его братом, никто понять не мог. О страсти не могло быть и речи. Даже очень извращенному фантазёру трудно было бы зачислить мэра в ряды хоть на что-нибудь способных любовников. Подарки сам директор дарил такие баснословные, что вся область завидовала погибшей, хотя ходили слухи, что она сама их себе выбирала и из мужа со скандалами выколачивала поставку. Скука, тяга к приключениям – они, возможно, могли объяснить внебрачную связь. Но почему именно с мэром?

Изначально город гудел в недопонимании. По прошествии недель в народе начала закрепляться убежденность, что причиной всему была загадочность русской души женского пола.

– Поди пойми этих баб!

К тому же национальная гордость за непревзойденность русских козней, перераставшая в пренебрежительность к вышеупомянутым сериалам, отчасти компенсировала чувство стыда за дополнительное пятно на и без того неблестящей репутации местной власти.

Директор ММК переживал дольше и интенсивней остальных, понятное дело. Переживал за двойное предательство в собственном соку, за судьбы города и семейства, за неизбежность избирательной кампании и за свой мужской имидж. В первую очередь он решил последнюю проблему, и завел себе новую госпожу. Она была очень молодая, не очень фигуристая и далеко не дворянского воспитания, но покладистая по характеру.

– Женился?! – переспросил его Алеша.

– Живем вместе, не расписанные, – пробубнил отец.

– Ха! Ну, ты даешь, папаша, – подмигнул ему сынуля.

– Не осуждаешь, значит?

– Да чё я, Папа римский, что-ли, чтоб осуждать тут? Ты у нас ещё ого-го-го!

– Ну, и слава Богу. А вот мы и дома.

Бронированные ворота усадьбы Трубных расступились, впустили машину и снова сомкнулись. На встречу прибыв-

шим вышел охранник Ёсич.

– Приветствую, Семеныч, – обратился он к директору.

– Привез, вот, тебе нового Семеныча, – указал он с гордостью на сына. Звали директора ММК Семеном Семеновичем Трубным, поэтому сын Алеша тоже выходил Семенычем.

– Да, уж вижу. Здравствуй, Алексей!

– Здоров-здоров, Ёсич!

Они обнялись.

– Что-то ты не очень возмужал в этом их туманном альбиносе!

– Да где уж там, – расхохотался Лёша.

– Пошли, с хозяйкой новой знакомить буду, – приглашительным жестом отец указал в сторону крыльца. – А ты, Ёсич, чемоданы того...

– Само собой, Семеныч, – ответил Ёсич и подмигнул Алёше с намеком на ту, что ждала его за порогом дома.

– 2 -

В самом географическом центре города, который приходился на перекресток улицы Чапаева и бульвара Князя Трубецкого, стоял киоск. На его мизерной площади естественно сосредотачивались все товары первой необходи-

мости рядового морочанского потребителя, они же в недавнем прошлом несбыточные желания сознательного советского гражданина: шоколадки и батончики, сигареты и поштучно, презервативы и бананы, кока-кола и жевательные резинки, хлеб и кремовые рулеты, кофе и чай, китайские макароны и пластиковые стаканчики, газовые баллончики и газированная вода, орешки и зажигалки, соки и семечки, креветки и кальмары, мятные конфеты и шпроты, и пиво в неограниченном ассортименте.

Фёфёдыч, морочанский гений и философ с репутацией незатейливого сумасшедшего, традиционно начинал свой утренний обход богатых бутылками мест именно с центрального киоска. Среди местных нищих за ним негласно было признано эксклюзивное право на промысел в центре города. Этой чести он был удостоен не в силу возраста и не из-за уважения к его военному прошлому, а по благу. Дело в том, что Фёфёдыч (так звали его сограждане и он сам, за пределами сократив паспортное Фёдор Фёдорович) был связан дружеско-стукаческими узами со своим бывшим одноклассником, начальником милиции Георгием Ивановичем Сидоренко. Их утренние обходы часто пересекались именно на самом центральном перекрестке. Иногда, как сегодня, Сидоренко приносил ему вчерашнюю газету и остатки Надиной стряпни.

– Что, начальник, пришел подкупать? Думаешь, я тебе за твои вшивые газеты всю сермяжную правду на блюдечке?!

– Да кому нужны твои пьяные сплетни? На вот, Надя тебе пирог с рисом передает.

– Пирог она мне передает, а что самой трудно дойти, совсем уже нос задрала? Финфекции какой боится, что-ли, санитарка?

– Некогда ей, благодарный ты наш.

– Да, скоро и ты ходить перестанешь, знаю я вас, ментов.

– Ты что, на пенсию меня провожаешь?

– Нет, не люблю я провожать, а также сеять и сажать.

– Ну, пошел на стихи давить, ладно, пойду я, у меня горячая страда начинается.

– Идите, батюшка, идите, преступной чащи не щадите!

Сидоренко беспомощно махнул рукой и зашагал в сторону милиции.

Фёфёдыч мечтательно подсчитал собранные во время разговора бутылки, добрался до ближайшей скамейки и достал из кармана Надин пирог. Тщательно обнюхав его, начал недоверчиво жевать. Вспомнились времена, когда он, будучи молодым и пьющим, работал на комбинате, носил глаженные рубашки и пироги пекла ему жена Настя. На работе он не переутомлялся, по дороге домой заруливал в парк, где играл партию в домино под аккомпанемент нескольких кру-

жек пива, затем шел домой ужинать, а после ужина занимался любовным ремонтом с мотоциклом. Настя его работала в детском саду воспитательницей, в свободное от работы время воспитывала дочку Свету, содержала дом и курировала маленький приусадебный огородик.

В перестроечный же период перестроилась и жизнь Фёфёдыча. Света уехала замуж за воронежского грузина, и навещала Морочу раз в год. Настя скоростижно, непонятно от чего, хрясть и нету. Остался мужик один, без работы, потому как сократили, и ко всему прочему из-за недостатка средств пришлось стать временно непьющим.

С горя начал он копать огород, чего при жизни Насти делать ему не случалось. Когда перекапывал его в четвертый раз, нашел клад. Только в кладе, вместо денег, было дореволюционное, 1837 года, издание Фукидида «О Пелопонесской Войне». Мало кому из морочанцев было известно, что именно чтение этой книжицы явилось причиной его помешательства. Смерть жены, отъезд дочери и лишение работы – факторы, безусловно весомые, лишь подготовили почву для окончательного удара судьбы по голове.

Непротивопоставимая сила присосала Фёфёдыча к Фукидиду, но скромный ум его не смог выдержать напряжения создаваемого древнегреческими образами в политически де-

стабилизированном воображении. Скромный ум его начал давать сбои.

Года два он маразмиковал преимущественно в одиночку: резал дочкины учебники и клеил из них стенгазеты, воровал у соседей стиранное бельё и ночью ходил топить его в пруд, оборачивал себя в замасленную простынь и обращался к портрету утраченной жены, читал стихийно по памяти отрывки из Фукидида:

– «Мы хотим вместе с тем показать вам, что не смотря на все пустые возгласы против нашей республики, она достойна приобретенных ею выгод, и уважения, которыми пользуются.»

Благодарный судьбе за находку, Фёфёдыч посчитал должным отплатить ей той же монетой и вместо найденного клада закопал в огороде три новых. Порознь были спрятаны три ценных для потомков свидетельств о его эпохе: фотографии с фронта в одном месте, «Мастер и Маргарита», не читанную им, в другом, кассеты с песнями Высоцкого в авторском исполнении в третьем. Когда узнал, что вместо кассет, музыку начали записывать на серебряных маленьких пластинках, прикопал к кассетам тексты песен переписанные от руки. Фотографии он посчитал важными, потому как ему очень хотелось бы посмотреть на снимок древних греков, сражаю-

щихся друг с другом на морях, и он искренне сокрушался, что в те далекие времена люди предпочитали тратить время на войны, а не на такие полезные изобретения, как фото-съемка. Своим первым кладом Фёфёдыч компенсировал историческую несправедливость. Роман Булгакова он выбрал как дань памяти своей жене, которая очень его любила. Прочитав подпольно распечатанный экземпляр за сутки в погребке в те времена, когда книга была запрещённой, она так и не испытала при жизни удовольствия от обладания этой книгой. Высоцкого же он любил до слез, и не мог не посвятить ему достойного захоронения.

Под конец второго года созрел Фёфёдыч для публично-го бесчинства. Ночное сожжение памятника Ленину на центральной площади, которая раньше именовалась Площадь Революции, а теперь стала Соборной, в ночь на Ивана Купала, должно было помочь стране преодолеть трудный период. Страна была в беде, и Фёфёдыч не мог смотреть на развал, сложа руки. Необходимо было действовать оперативно, решительно, сильно, а главное, разить зло в корень. Окультно-народное средство казалось ему самым подходящим. Очищающий огонь в праздничный день должен был уничтожить главного виновника всех экономических бедствий России-матушки, Морочи-славного-города и Фёфёдыча-удальца-красного-молодца. Он обстоятельно расспросил у бабок-соседок о значении и праздновании Ивана Купало.

Обычай предписывали прыжки через костёр для ускоренного замужества, плетение венков из душистых трав для красоты, добротное запираение коней, чтобы ведьмы не ускокали на них на Лысую гору, и, в особо сложных случаях, ради исполнения желания на утро надобно перелазать двенадцать огородов. Фёфёдыч решил, чтоб наверняка уж возымело действие его сожжение, прибегнуть ко всем вспомогательным ритуалам. Венки плести он не умел, поэтому охапку душистой крапивы обмотал заржавелой проволокой. После ужина запер в сарае-птичнике единственного выжившего гуся: не конь, конечно, но пойдя, их ведьм разбери, могут все равно позариться. Ровно в полночь он скинул с себя одежды кроме трусов, носков и кед, оббежал три раза вокруг трех кладов, взял бутылки с зажигательной смесью, парочку старых стенгазет, венок и, преодолевая страх и гоня мысли о неминуемой, пошел на подвиг.

Пробравшись к заветному месту, пришлось надолго залечь в ёлках, так как на площади появлялись то загулявшие парочки, то пьяные подростки. Когда же, наконец, жизнь стихла, Фёфёдыч, дрожа от холода, налепил крапиву на лысеющую голову, вылез из укрытия, оперативно обложил пьедестал бумагой, художественно облил памятник керосином и быстро, как мог, поджег. Не жажда расправы подгоняла его, а элементарная необходимость согреться. Благо пламя сразу взялось, огонь заплясал и долгожданный радостный азарт

побежал по венам старика, заставляя его приседать, бегать, припевать. Непредсказуемо проснулся в нем языческий инстинкт. Подобрав в угаре одну из пустых бутылок и какую-то палочку, он начал бить последней по первой, воображая у себя в руках барабан.

– А ну, Ильич, расскажи-расскажи! А ну, Ильич, покажи-покажи!

Чего он хотел от памятника, вслух произнести ему так и не удалось. От одной лишь мысли его начинал давить смех – Фёфёдыч не сдавался, смех просился – Фёфёдыч не позволял, смех щекотал – Фёфёдыч трясся, смех рвался – Фёфёдыч бросался на колени и выл:

– Ильич, ласточка, выкрути лампочку...

За сим его и застали милиция и пожарные. После тушения пламени обнаружилось, что Ленин покрылся копотью, лишь на лысине осталось большое светлое пятно. Отмывать не стали. Копченая версия Ильича стала новой достопримечательностью Морочи. Казалось, что во время пожара Ленин был в кепке, которая и защитила его лысину от копоти. А теперь он кепку снял и сокрушенно мял её в руке, наклонясь всем телом вперёд и грозно крича вдогонку своему поджигателю неприличные слова.

Автора ремейка отправили на принудительное лечение в

областную психушку, а так как денег ни на лекарства, ни на питание в больнице не было, то через неделю его, похудевшего, выписали. Сидоренко пригрозил ему тюрьмой в следующий раз. Пришлось остепениться.

Остепенившись, Фёфёдыч выкопал фронтовые фотографии и закопал на их место номер «Морочанских Известий» с репортажем о происшествии. Заголовок гласил: «Неизвестный вандал устроил ритуальное сожжение памятника Ленину», фотограф запечатлел момент взятия Фёфёдыча спецназовцами на фоне пламенеющего отца революции. Оголенный торс и пораненное ржавой проволокой лицо подталкивали на образные ассоциации с царем иудейским, но остервенелый взгляд и кеды без шнурков буднично пресекали религиозные фантазии.

Спустя месяц в стране случился дефолт. Гуся пришлось зарезать. Виноваты были ведьмы, жаждавшие птичьей крови, и милиция, которая, арестовав Фёфёдыча, помешала ему довести дело до ума.

– Вот, не дали человеку оббежать огородов двенадцать штук, а теперь – девольте! Жалко было на часик отпустить, я ж говорил, добра не будет!

С мистикой и магией после этого эпизода пришлось Фё-

Фёфёдычу покончить. В условиях постоянного вмешательства государства в частную деятельность отдельно взятого мессии невозможно было усовершенствовать никакое предприятие по спасению человечества.

Фёфёдыч дожевал пирог, запил его теплыми остатками пива из одной из найденных бутылок. Можно считать – пообедал.

– С утра, де-факто, жизнь удалась. Не грех при таком раскладе дел и продолжить сбор стеклотары.

Несостоявшийся мессия подобрал свои пакеты и побрел в сторону рынка. Повернув на проспект Независимости, он в последний момент с ловкостью избежал лобового столкновения с Леной, молодой учительницей, как обычно бегом опаздывающей на работу.

– Извините, я спешу, – попыталась оправдаться она.

– А мне что с того, что ты спешишь? Я, вот, никуда не спешу, – говорил сам себе Фёфёдыч, Лена даже не оглянулась.

Урок начался десять минут назад, а ей еще бежать полквартила. Эти бесконечно повторяющиеся опоздания доставляли ей массу мелких унижений: шаловливые смешки учеников, рентгеновские взгляды завуча из-за полуоткрытой

двери её кабинета, мешающая степенно начать урок одышка, но самой ненавистной в её опозданиях была их систематичность, против которой она чувствовала себя бессильной. Мать, отчаявшись, настояла и сводила её к бабке, надеясь снятием порчи избавить дочь от синдрома хронической непунктуальности. Бабка произвела добросовестный вычет, но, к сожалению, и он не помог.

– Здравствуйте, дети, – выжала Лена из себя, открывая на последнем вздохе дверь. Еще несколько шагов и она, наконец, упала на стул. Пока восстанавливался степенный ритм дыхания, она достала из сумки тетради с проверенной домашней работой и жестом пригласила сидящую за первой партой Маринину раздать их. Тем временем она высморкала вечно простуженный нос и протёрла очки.

Ученики любили Елену Ивановну, а она любила их. Ещё неокончательно высохнувшая краска на многочисленных невеселых зарисовках из её детства предостерегала девушку от тех коварных приемов, которыми многие старшие портили жизнь малышне.

То, что детям, никогда не бывавшим в шкуре взрослых, бывает трудно их понять, может не нравиться взрослым, но Лена не могла не согласиться, что определенная житейская логика в этой тенденции была. То же, что взрослые напрочь

забывают свою детскую жизнь с её тесными правилами, навязанными несправедливостями, неприемлемыми лишениями живительных игр, прогулок, развлечений во имя нудной учебы или же ненавистой работы по дому, забывают и перестают понимать детей... О, может кто-то и сочтёт это натуральным, но определенная доля ленивой людской пошлости в этой закономерности была Лене очевидна.

Есть в русских провинциях девушки на выданье, о которых мечтает каждая столичная мама. Они всегда адекватно одеты и причесаны, и их речь блещет остротами и шутками. Они могут прекрасно и небрежно сыграть на пианино “Не уходи, побудь со мною”, связать на Новый Год папе тёплый шарф, сплясать цыганочку на свадьбе у подруги, предотвратить потоп закручиванием нужной гайки аварийно текущего крана. Они вкусно готовят и незаметно убирают. Они чувствуют себя в своей тарелке как в опере, так и на дискотеке. Они с равной непосредственностью заговаривают с бабушкой соседкой и со случайно встреченной в гардеробе ресторана заезжей звездой. Они заразительно смеются, они очаровательно улыбаются, они симпатично сердятся, они обворожительно молчат. Лена не была одной из этих девушек.

Она выросла без отца, в маленькой квартирке с мамой Натальей Фёдоровной и бабушкой Оксаной Викторовной. С детства она отличалась повышенной мечтательностью, ко-

тору ю мама и бабушка, почему-то решившие, что их внучка-дочка должна быть неким фейерверком смеха, радости и заразительного энтузиазма, принимали за заторможенность, граничащую с задержкой психомоторного развития. Женщины, несмотря на несопоставимые взгляды на многие вещи, чудесным образом договаривались о приоритетах в воспитании девочки. Наталья Фёдоровна, предпочитавшая брюки, свитера и высокие прически, и Оксана Викторовна, одевавшаяся в элегантные платья, которые совмещала с короткой стрижкой, определили подходящим для Лены пионерско-стандартный стиль. Мама обожала “Абба” и “Битлз”, бабушка не признавала музыку вообще и слушала радио “Маяк”, но Лену они записали в музыкальную школу на флейту. Бабушка терпеть не могла беспорядка и чувствовала себя уютно только в стерильности первого часа после уборки, по истечении которого начинала жаловаться на пыль, кухонные подтёки, крошки, разбросанную обувь и нарушенную симметрию ковровых дорожек; мама терпеть не могла уборки, рассеивала по квартире шпильки, книги, помады, колготки и тапочки; Лена должна была отвечать за порядок в своем книжно-одежном шкафу и чистоту на письменном столе. Оксана Витальевна вздыхала по высоким блондинам с голубыми глазами, Наталья сходила с ума по жгучим брюнетам всех кавказских национальностей, Лене же они просто не разрешали вести никакую социальную жизнь, выходящую за пределы двух школ, общеобразовательной и музыкальной,

поэтому вопрос о мальчиках не возник ни в школьные годы, ни в эпоху посещения училища. И только в последний год, её родительницы очнулись в страхе, что девица перерезает, перешли от спячки к срачке, наперебой организовывали ей подставные случайные встречи и заманчивые знакомства.

Груз нереализованных желаний и многочисленных разочарований её родительниц поступательно давил на хилые плечи Лены, но она упорно старалась быть их гордостью и светом в окне. В результате замысловатой борьбы между её склонностью к самосозерцанию и попытками мамы и бабушки сделать из неё то, чем самим стать не удалось, у Лены развилась предрасположенность к диссоциации идентичности в легкой форме. В своих автобусных сеансах авторского самопсихоанализа, проводимых по дороге на работу или с работы, она делила своё существование на “жизнь” и “выживание”. Всё, что требовали от нее мама и бабушка, относилось к категории выживания. Все то, чего они от нее не требовали, относилось к настоящей жизни, которая рано или поздно должна была наступить. А пока настоящая жизнь не началась, она в свободное от выживания время предавалась мечтаниям о ней.

Прекрасный и понимающий, заботливый, но не ревнивый, образованный, с чувством юмора, любящий и любимый принц обязательно должен был рано или поздно появиться в

её жизни, высвободить её из материнско-бабушкиных оков, увезти в просторный и уютный особняк. Там бы она по утрам занималась медитацией, до обеда писала бы революционный научный труд о гноссеологической роли подчинённого предложения в творчестве автора и судьбе героя, а ближе к вечеру готовила бы изысканно-питательные блюда для ужина на двоих. Она так преданно верила в свою мечту, что не испытывала раздражения от непроизошедшего ещё исполнения оной, и на детях ей отыгрываться было не за что.

Во время перемены Елена Ивановна сверяла в учительской расписание уроков на следующую неделю. Вошла её главная попечительница Кристина Вячеславовна – тощая биологичка с хновой химией на голове, она же подруга мамы, она же жена охранника Ёсича.

– Здравствуй, Леночка, ой ты знаешь, новость-то какая свершилась, приехал-таки! Мне Ёсич уже доложил. Леночка, не медля ни минуты, надо за это дело браться! Его сейчас женят тут за полчаса, и веком не моргнешь! Ну, что ты кривишься?! Я Ёсичу поручила доклад держать о его перемещениях, мы с тобой в этом деле привилегированные: у нас штатный, так сказать, советник.

– Кристина Вячеславовна, я в эти игры больше не играю...

Нельзя сказать, чтобы Лене не нравилась идея о знаком-

стве с сыном директора ММК, скорее наоборот, именно он и вписывался в её мечты как отличающийся от всей местной пацанвы, вернувшийся из умопомрачительного Кембриджа принц. Но эти провинциальные, веками осмеянные, но никуда не девшиеся методы закваски хорошего мужа были так далеки от чистых и правдивых образов, господствующих в её мечтах о настоящей жизни! Несмотря на все её старания, у нее не получалось избавиться от роли заядлой жертвы неотесанного сводничества – дела рук многочисленных благожелательниц (знакомых бабушки, подруг детства, бывших маминых сотрудниц, соседок по палате), у которых всегда находился подручный племянник (сын, друг семьи, хороший знакомый), которого они при случае вытаскивали из загашника, как фокусник зайца из цилиндра, и который, фатально, как тот же заяц, оказывался лишь очередным оптическим обманом, ложной надежной, неудавшимся экспериментом, не привившимся черенком.

– Да, я понимаю, ты романтическая натура, тебя эти стратегии перенапрягли, но, Леночка, в этот раз, игра стоит свечи, или, по крайней мере, встречи! Чувствует моё сердце: вы созданы друг для друга.

– В таком случае и без интриг должно все получиться! – нервно пискнула Лена.

– Ну, не испытывай судьбу, она этого не терпит! Иногда... – тут прозвенел звонок, обрывая роковой постулат Кристи-

ны Вячеславовны.

– Увидимся после, – согласовали учительницы, расходясь по классам толмачить желторотым каждая свою науку.

Раздражённая разговором с Кристиной, Елена Ивановна прямо с порога строго объявила:

– Дети, запишите в тетради тему урока: “Восклицательные предложения”. Пример. Из творчества Евгения Евтушенко. Пишите: “Нет”, запятая, “мне не в чем не надо половины”, восклицательный знак. Что вы можете сказать о данном предложении, какую цель высказывания преследует автор? Какую черту своего характера он демонстрирует? Кислова, как ты думаешь?

– Я, Елена Ивановна, думаю, что он был жадный, – неуверенно пробурчала девочка.

Класс захихикал, Лена разочарованно опустила на стул.

Кристина Вячеславовна, в своем классе, продолжала:

– Другим важным и широко используемым способом искусственного вегетативного размножения растений служат прививки. Прививка состоит в пересадке побега или почки одного растения, называемого привоем, на часть побега другого растения, называемого подвоем.

Один из учеников поднял руку.

– Что тебе здесь не понятно, Гавриленко?

– Это как пересадка органов у человека?

– А человек, что, является побегом? – вскипятилась Кристина Вячеславовна.

Класс дружно взорвался смехом. Преподавательница посчитала нужным наказать нелепого выскочку.

– Сейчас Гавриленко даст нам определение побега и перечислит его основные органы.

– Кристина Вячеславовна, ну я не хотел...

– Как это ты не хотел? – уже в четвертый раз повторял свой вопрос старший лейтенант Майоров, допрашивая задержанного Накашидзе. – Как можно, не хотев, угнать рейсовый автобус! Вот ты мне объясни, может быть, я тебе и поверю.

Еще не отрезвевший Накашидзе терялся не только в доводах старшего лейтенанта, но и в собственных показаниях. Допрос происходил в кабинете полковника Сидоренко.

На утреннем докладе Георгий Иванович, как всегда, скукал, слушая об очередных разборках двух ритуальных служб на почве поступления тела новоиспеченного покойника, о ежемесячной стычке Гриневских отморозков с Борисовскими ворами, о мелкой бытовой пакости, пока дело не дошло до угона рейсового автобуса с автовокзала пьяным подростком. В этом инциденте присутствовали не только элементы

новизны и тяги к приключениям, но тут определенно пахло повышением раскрываемости небытовухи, поэтому он и потребовал вести допрос в его присутствии.

– А хочешь, я тебе сам подскажу, – продолжал допрос Майоров, – ты не хотел, а кто-то другой ну очень хотел, поэтому и заставил тебя. Кто стоит за этим покушением? Признавайся, чмо малолетнее! Это же терроризм, статья двести пятая У-Ка Российской Федерации, лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет, тебе это надо?

Георгий Иванович поднял левую бровь, услышав о терроризме.

– Нет, не надо... – туманно догадываясь, промычал несостоявшийся угонщик. – Ну, начальник, ну, я пошутить хотел! Автобус уже пол-часа как опаздывал отправление. Я ему хотел посигналить, а он ключи забыл в зажигании. Я сигналю, а водила нету и нету, ну, я взял и поехал... Какой терроризм, обижаешь!

Не оправдал, к сожалению, Накашидзе ожиданий Георгия Ивановича, не поведал о захватывающих событиях, не генерировал накала эмоций. Лишь грустно улыбнувшись стилистическим ошибкам речи задержанного, полковник дал знак Майорову увести его. Оставшись один, он достал из ящика

стола кроссворды и карандаш, решив посвятить им оставшееся до обеда время.

Когда Жорик Сидоренко решил стать милиционером, он мечтал о погонях, перестрелках, допросах с подвохами и быстром продвижении по службе. Судьба его не обидела. Всё это было, не в таком количестве и не в такие сроки, но было. Но никогда Сидоренко не смог бы предположить, что достигнув намеченного, на закате, что называется, лет, главным его противником окажется насыщенная скука. Минуты, часы и дни казались одинаково болотно-непроходимыми и бесконечно вечными. Топкость времени усугублялась его цикличностью. За каждой прошедшей никчемной минутой следовала новая никчемная минута. За каждым бесполезно убитым часом вылуплялся следующий час, нуждающийся в убиении. Бессонные ночи, нововведение вдовства, не завершали, а продлевали и без того беспредельные дни. Его интерес к службе упал ниже нуля, но он не уходил на пенсию, так как считал, что не выросла ещё достойная ему смена. Женщинами он не интересовался, оставаясь верным покойной жене. Его отношения с выпивкой были экстремальные.

Он относился к тому типу биполярных потребителей алкоголя, в жизни которых чётко прослеживалось маятниковое чередование интенсивных запоев, длившихся иногда и месяцы, и периодов совершенного воздержания, длившихся иногда

и годы. Цельность личности Сидоренко не допускала половинных сценариев. Его запои были тотальными, и его трезвость была маниакальной. Если он пил, то он ни ел, ни работал, ни мылся, не смотрел телевизор, редко разговаривал с домочадцами, выходил на улицу только за водкой (в начальной фазе запоя он ещё был способен сам, а в конечной фазе он слёзно просил сходить в магазин жену или дочь). Поводом для запоя могло быть всё, что угодно, от неразрешимого жизненного тупика до банального банкета на работе, выпив во время которого, он уже не мог остановиться и пил, пока выдерживала печень. Трезвые полосы его жизни отличались энергичной деятельностью, строгим морально выдержанным поведением, он не спускал промахов и ошибок ни подчиненным, ни задержанным, ни родным. Сердце жены его не выдержало и двадцати лет контрастного альтернирования режима строгого супружества и затяжных отключек, во время которых личность мужа сводилась на нет. Когда она умерла, Жорик ушёл в самый длинный в его жизни запой. Врачи чудом откапали его, предупредив, что следующий раз может стать последним. Прележав три недели в больнице, Сидоренко вернулся к непьющей жизни, но что-то в нем сломалось. Не было ни прежней строгости, ни выправки, ни категоричности. Он редко вычитывал подчинённых за оплошности, хотя и продолжал их замечать. Теперь они казались ему не ошибками единичных индивидов, а последствиями неизбежной конвергенции стихийных сил. Он перестал злиться

на дочь за мелкие беспорядки в доме, и взял за привычку мыть посуду за собой после еды. Его выправка потеряла заносчивость, а фигура умеренно расплылась. В этой жизни ему осталось выдать дочь замуж, а там можно будет и запить в последний раз.

Единственным, что вызывало у Жоры ещё какие-то элементарные эмоции, была еда. Он ни с кем не делился своими впечатлениями, только дочь по удовлетворённому кряхтению или минутному подкатыванию глаз догадывалась о том, что он наслаждался трапезой. Год назад он возвёл в ранг любимого ресторан “Шишку” на окраине города. В силу того, что дорога была не близкой, он не часто туда навещался, отдавая полное предпочтение Надиной кухне. Вряд ли Фёфёдыч об этом догадывался, но Сидоренко носил ему остатки её пирогов не потому, что заботился о его питании, а потому что как с другом детства, как с товарищем по вдовству разделял с ним редкие порывы жизни, что старость соблаговолила у него не забрать.

Кроссворд был скучным. Солнце начинало припекать в затылок, и дабы ограничить его вмешательство, Сидоренко подошел к окну и задернул шторы.

Ни солнце, ни сушняк, ни крики матери не могли поднять с кровати Таню. Минут десять назад она ударила пяткой по ставне чердачного окна. Окно открылось, и теперь она жадно вдыхала свежий воздух, зная, что он поможет, и вскоре она сможет принять вертикальное положение.

Только такой дуре как Светлане Евгеньевне могло прийти в голову напиться накануне премьеры (“Давайте снимем накопившееся напряжение!”), и только такой дуре как ей, Тане, могло прийти в голову не воспрепятствовать подобному предложению (“Да, напряжение перешло в статус неуправляемого”). Задействованные в спектакле лица долго себя упрямить не заставили, и вчерашняя генеральная репетиция деградировала в костюмированную попойку.

Режиссер, который под псевдонимом Звездный скрывал настоящую фамилию Яичко, после удачного исполнения Чацким-Саниным первого монолога в третьем действии дал добро на открытие бара. Пока Репитилов-Мартынов и костюмер Паша бегали в магазин, действие подошло к балу в доме Фамусова.

Режиссер любил “Горе от ума” и мечтал о её постановке, как все актеры мечтают сыграть Гамлета, как все учительницы мечтают выпустить Циолковского, и все фермеры мечтают вырастить сказочную репу. Яичко мечтал, да всё откла-

дывал. Для реализации такой огромной мечты, считал он, лучше было дожидаться, когда он будет работать в другом, более крупном театре с другой, более квалифицированной, труппой, в другое время и с другими средствами. В прошлом году, отпраздновав свои пятьдесят три года, он посмотрел в глаза мутной реальности. Та не обещала ему ничего из всего того «другого», необходимого для реализации его мечты. И Яичко ушел в запой до конца сезона. Во время его отсутствия второй режиссёр театра заболел воспалением лёгких и умер, а третий, молодой, режиссёр довел театр до банкротства. Начальство просило его бросить пить и вернуться за кулисы. Ему пообещали повышение зарплаты и большую художественную свободу. Одним из условий Звездный-Яичко поставил постановку его заветной мечты.

И вот, после годового созревания, он подошел к премьере. Путь был нелёгким. Режиссер не хотел, чтобы в театре знали, что пьесу ставят по его хотению. Ему казалось не элегантным открыто признаться всем, что они работают над мечтой его жизни. И всё же как-то так получилось, что все в театре это знали, но не могли понять, почему Яичко должен был это скрывать. В результате сложилась какая-то нездоровая ситуация. Все, начиная от Яичко и заканчивая техничкой, про себя считали, что театр делает одолжение стареющему режиссёру, но открыто никто ни с кем об этом не говорил. Задействованные актеры вели себя по-разному, но в

общем преобладали неблагоприятные настроения. Самыми критическими стали отношения между Яичко и Стрелкиным, играющим в спектакле Скалозуба. Актер не хватал звезд с неба. Он давно правдиво признался себе в том, что театр представлял для него лишь место, где он, не слишком утруждаясь, получал взамен неисчислимое количество поводов выпить. Эта немногим доступная веселая жизнь стала достойной заменой славе, признанию и всякой подобной эфемерной чепухе. Главное было ставить такие спектакли, чтобы зрителю нравилось. Реализацию мечты, стремление к высокому искусству и тому подобное он считал бредом сивой кобылы. Невысказанное непонимание между ним и режиссером привело к тому, что они вообще перестали разговаривать. Стрелкин как-то по-звериному сопел при виде Яичко. Режиссер опускал глаза, а в случае острой необходимости, когда нужно было дать сценические указания об исполнении его роли, постановщик отвлеченно говорил с другими актерами о Скалозубе как об общем знакомом, который избегает встречи с ним, надеясь, что при случае собеседники передадут этому знакомому их разговор.

Труппа не поняла и не оценила художественного содержания, вложенного режиссером в его интерпретацию классики. Лишь возвращенный на континентальных перепадах температур глубинной провинции самородок мог породить карикатуру такой ядерной радикальности. Его постановка не

страдала недостатком оригинальных приемов и сценических находок. Она ими изобиловала. Среди прочего, в попытке замаскировать скудное финансирование любовью к абсурду, Звездный-Яичко решил раздеть всех задействованных в балле у Фамусова персонажей до нижнего белья, намекая тем самым как бы на изобличение истинной лживой и лицемерной природы действующих лиц, наговаривающих сумасшествие на Чацкого.

Посему на генеральной репетиции все актеры, как и положено, были полураздеты по сценарию. Яичко надеялся, разрешив им сейчас выпить, расположить их к самому себе и к его детищу, и тем самым создать необходимую для успеха синергию группы.

Поступила первая подача прохладного пива. Его не обрekli на согрев. В руке у каждого появилась бутылка, благо контекст светского сборища не препятствовал такой сценической добавке.

Лиза-Таня, незадействованная в этой части спектакля, потягивала пиво в зрительном зале, не без интереса наблюдая с каким неподдельным азартом жизнь дополняла искусство. Кульминационный момент этого слияния наступил после того как Хлестова-Драпкина произнесла свою очередную реплику:

– Чай, пил не по летам.

Княгиня-Рыжикова, замешкалась, утирая пену с губ, но тут же подхватила:

– О! Верно...

Графиня внучка-Остапенко вопреки мизерности роли усердно старалась не остаться незамеченной. Она всячески поддерживала предложения режиссера и угождала ему, надеясь, что в будущем он возьмёт её на роль, более достойную её молодого таланта. Но сегодня даже она терзалась ожиданием момента, когда же, провозгласив заветную реплику, сможет расслабиться и выпить. Вложив в слова всю свою школьную прилежность, она проговорила звонко:

– Без сомнения! – и тут же припала к бутылке, отходя в глубину сцены. За ней оставалось последнее совсем ничтожное “Шш!” при появлении Чацкого.

Хлёстова-Драпкина, укоризненно поглядывая за кулисы, где Чацкий-Санин, незатменный кумир всех молоденьких театралок Морочи спокойно откупоривал вторую бутылку, ляпнула:

– Шампанское стаканами тянул.

Кивая ей в подтверждение, заглянув и она за кулисы, На-

талья Дмитриевна-Лариса Константиновна констатировала:
– Бутилками-с, и пребольшими.

Загорецкий-Громов, скорее передразнивая дам, чем критикуя новоявленного сумасшедшего, протянул:

– Нет-с, бочками сороковыми.

– Ну вот! великая беда, – подключился к беседе подобрешший Фамусов-Бондаренко, откровенно указывая на законченную им бутылку пива, – Что выпьет лишнее мужчина!

Все расхохотались, и даже никак не расслабляющийся Звездный-Яичко прыснул, но тут же постучал карандашом по своему сосуду, призывая восстановить дисциплину. Действие продолжилось. Чацкий-Санин стал бодро читать очередной свой монолог, и только дойдя до:

– Ах! если рождены мы всё перенимать, Хоть у китайцев бы нам несколько занять, – вдруг запнулся и по мере того, как он вспоминал слова, лицо Звездного-Яичко напрягалось и уже начало было дергаться, но тут Санин вспомнил и дочитал на одном дыхании. Подозревая, что труппа выходит из под контроля, режиссер не стал делать паузу по завершении предпоследнего действия и скомандовал продолжать. Атмосфера скисла. Подвыпившие актеры чувствовали себя обманутыми.

Режиссер хотел любой ценой довести репетицию до точ-

ки, но последнее действие никак не клеилось.

Графиня-внучка-Остапенко вложила в первую реплику всё своё разочарование по поводу несостоявшейся карьеры и с демонстративным пренебрежением произнесла в зал, где сидел невидимый режиссер:

– Ну, бал! Ну, Фамусов! умел гостей назвать! Какие-то уроды с того света, И не с кем говорить, и не с кем танцевать.

Режиссер, однако, оценил реалистичность высказывания:
– Bravo!

Актриса приняла похвалу за шутку дурного вкуса. Обида, чувство бессилия и бесполезности, подхваченные алкоголем, овладели ею. Предательская настоящая слеза скатилась по её щеке. Графиня бабушка-Кац, путаясь в своей длинной ночной рубашке, под руку вывела ее со сцены, не забыв при этом прошепелявить:

– Поетем, матушка, мне прафо не под силу, Когда-нибудь я с пала та в могилу.

Репетицию прерывать не стали, но помимо усталости, многие распознали в реакции девушки и обиду за крушение её амбиций, и некоторым стало жаль её, а заодно и себя. Кто из них, будучи молодым актером, подозревал, что их мечта об успешной карьере перебродит в бред одержимого

режиссёра?! В коллективе созрела необходимость крепкой заправки, способной предотвратить заикливание на грустных мыслях, но режиссер перекрыл кран до конца репетиции. Тем не менее, Платон Михайлович-Сергей Иванович, покинув Фамусовский бал, отправился тут же в магазин, и вскоре за кулисами подпольно переходила из рук в руки бутылка “Столичной”.

Чацкий-Санин, как только закончил свой нескончаемый диалог с Репетиловым-Мартыновым, во время которого они играли в бадминтон, вышел за кулисы и увидел двоицу Платона Михайловича-Сергея Ивановича и Фамусова-Бондаренко за распитием. Немедля он к ним присоединился:

- Дайте-ка страждущему глоток.
- Да тебе ж ещё два монолога читать, Саня, мож не надо!
- Надо, Серега, надо. Именно потому, что мне еще два монолога читать, стоять на голове, и танцевать лезгинку, наливай и баста!

Вскоре подоспел Скалозуб-Стрелкин:

- Ох, как нелегко мне сегодня, – прокряхтел он, но почувствовав запах спиртного, заулыбался, – но, слава Боженьке, есть добрые люди на этом свете.

Четверо и глазом не моргнули, как приговорили бутылку, затем стали решать, кому идти за подкреплением. Фа-

мусов-Бондаренко и Чацкий-Санин ещё были задействованы, Серега уже бегал, выпадал черед прирожденного лентяя Скалозуба-Стрелкина. Тут подоспел Репитилов-Мартынов, а значит, Чацкому пора было возвращаться на сцену. Не сразу это сообразив, он замешкался, и друзья вытолкали его. Неровный выход Чацкого из “швейцарской” вызвал нервный смехок у до сих пор хныкавшей в глубине зала Оли Остапенко. От непрошенных слёз у неё разболелась голова, но, к счастью, в сумке нашлась дежурная пачка “Цитрамона”, и принятое лекарство уже подействовало.

– Что это? слышал ли моими я ушами! Не смех, а явно злость, – не растерялся Чацкий-Санин.

– Когда это только ты успел, – спросил его вполголоса режиссер.

– Какими чудесами? Через какое колдовство Нелепость обо мне все в голос повторяют! – продолжал актер со сцены.

Звездный-Яичко встал со своего места и направился к сцене, чтобы вблизи получше разглядеть степень вменяемости Чацкого-Санина, но, к своему удивлению, он обнаружил, что не только находящийся на сцене актер, но и он сам был уже пьян. Пока Яичко оставался в уютном кресле зрителя, он не чувствовал эффекта выпитого пива, и принял он всего-то две бутылки. Но, похоже, голодный желудок и изношенность нервной системы катализировали процесс скоропостижного

опьянения.

– М-да, – растерянно произнес он.

Между тем Чацкий-Санин продолжал:

– Поверили глупцы, другим передают, Старухи вмиг тревогу бьют – И вот общественное мнение!

Это прозвучало так ехидно, что режиссер, подошедший уже совсем близко, принял выпад на собственный счет.

– Вы, ссуки... сговорились... завалить... спектакль! – выкрикивал он, выдерживая трагические паузы после каждого слова. – Мой спектакль! Спектакль, который должен вписать мое имя в историю современного театра!

Последовало обещание Скалозуба-Стрелкина:

– Впишем-впишем, а как же... По должности или от скуки?

– Вписать, я всякому, ты знаешь, рад! – подхватил с готовностью Фамусов-Бондаренко. Драка с режиссером казалась ему более заманчивой перспективой, чем продолжение ненавистной репетиции.

Светлана Евгеньевна-София, она же сожительница Звездного-Яичко, и эксперт китайской медицины по совместительству, услышав Бондаренко и Стрелкина, попыталась успокоить их:

– Ребята, ребята, – кричала она из-за кулис, через всю сце-

ну, стараясь, чтобы её услышали на другом конце, – ну хватит!

И потом обращаясь к Яичко, в зал:

– Нельзя нецелесообразно растрачивать ци! Ты помнишь?

– Я так и знал, я так и знал! – повторял в отчаянии Яичко.

– Он знал, – повторил Фамусов-Бондаренко.

– Это похвально, – ответил Стрелкин, потирая руки.

Обряженная в подобие нижнего белья восемнадцатого века, которое, по грустному, но меткому, определению осветителя Андрейченко походило на больничное обмундирование, Светлана Евгеньевна-София выскочила на сцену из-за кулис вслед за двигающимися на Яичко Фамусова-Бондаренко и Скалозуба-Стрелкина. Её шестое чувство ей подсказывало, что их намерения не имели прямого отношения к театральному сюжету.

– Позор, забвение и пожизненная ссылка в Нехотеевку... обрekli, обрekli, – кричал Звёздный-Яичко.

– Куда он собрался? – спросил Скалозуб-Стрелкин.

– В ссылку! – ответил Фамусов-Бондаренко.

– В декабристы метит?

– Проклятые пьяницы! – выкрикивал Звёздный-Яичко.

Он потерял страх, сковывавший его все последние месяцы, и не боялся больше ни Стрелкина, ни дирекции, ни провала, ни, даже, смерти.

– На любимом, на любимом! – произнёс он прелую правду, поднял глаза на сцену и встретил непромокаемый взгляд Скалозуба-Стрелкина, и смотря ему в глаза, добавил:

– Мужики, я же всю жизнь...

Голос его дрогнул, и что-то такое откровенное пробежало между ними, от чего Стрелкин вдруг понял, что за всеми режиссерским выкрутасами стоит действительно нечто искреннее, а главное – нужное, может быть не самому Стрелкину, но и не только режиссёру, а обществу, что-ли, или человечеству. Может быть у Яичко ничего из его кривляний и не выйдет, но именно из таких кривляний иногда рождаются гениальные вещи. И что, он, Стрелкин, не имеет права судить этого не знакомого ему по-настоящему человека.

Режиссер обреченно схватился за голову и опустил в кресло первого ряда зрительного зала.

Скалозуб-Стрелкин переглянулся со Фамусовым-Бондаренко. Тот, поняв, что драки не будет, махнул рукой и отправился за кулисы. Стрелкин последовал за ним, а оттуда в магазин. Пережитое откровение с режиссёром подействовало как сильнейшее противоядие от лени.

Чацкий, стараясь сгладить свой промах, выступил с отсбятиной:

– Ну, Михаил Кондратьевич, ну что мы американцы какие-то, чтобы “шоу маст гоу он” любой ценой, ну вы же знаете, что завтра я все смогу, вы же знаете! Ну, хотите, я сейчас заново вам прочитаю все монологи, со всех действий! Без запинки!

– Да, сейчас, ты читаешь...

– Ну, хоть последний, ну давай последний прочитаю, а там пойдём, покурим, и дружба начинается, а?

Режиссер неопределённо махнул рукой, Чацкий-Санин решил, что это был знак согласия и зарядил:

– Не образумлюсь... виноват, И слушаю, не понимаю...

Чувство вины Санина переродилось в искреннюю растерянность Чацкого и наполнило игру невероятной сложностью подтекстов и богатством смысловых пластов. Яичко было тронут. Он сидел в тёмном зале, слушал, опустив голову, и в какой-то момент, понял, что слышит лучшее в его жизни, а может быть и во всей истории русского театра, исполнение этого монолога. Он понял также, что его вклад, как режиссера, в этот шедевр был сравним со вкладом выпитого Санинным пива (о водке он как-то не заподозрил), угроз Скалозуба, сгустивших краски, слёз Остапенко, придавших накала и без того эмоционально неустойчивому вечеру, а также всех тех не запрограммированных, но странно сложившихся обстоятельств, которые никогда не повторятся. И самое обидное было то, что он был единственным зрителем в зале.

Санин был прощен. Когда же, неожиданно для всех, после “Карету мне, карету!” на сцене нарисовался утихомирившийся Фамусов-Бондаренко и произнес заключительную реплику спектакля, режиссер вновь поверил если не в успех, то, по крайней мере, во избежание позора.

Занавес опускать не стали. Непосредственно и дружно задействованные в спектакле возобновили снятие напряжения.

Четких воспоминаний о происшедшем за кулисами после перемирия режиссера с труппой в голове у Тани сохранилось немного. Яркими вспышками зажигались и исчезали кадры прожитого вечера. Вот костюмер Паша бежит за Светланой Евгеньевной с просьбой снять сценический костюм, а она кокетливо отклоняется от его якобы неприличных авансов. Вот Саня Санин в попытке развлечь неутешную Остапенко танцем со стулом (на котором сидела она) и сигаретой (которую курил он) запутывается в ножках стула, валит всех троих на пол и подсмаливает девушке кудри. Кажется, потом он пошел провожать её домой. Яичко с Бондаренко до хрипоты в горле спорили о значении Косовской войны в распределении силы в Европейском политическом пространстве. Таня вместе с Ларисой Константиновной и старухой Кац перебирали кости администрации театра и вычисляли вероятность со-

кращения кадров и зарплат в следующем сезоне. Лишь глубоко за полночь, когда небесные звезды уродливо растеклись по окну, звезды местного театра начали растекаться по домам.

Навязчивое чувство вины тупо раскалывало Тане голову и призывало похоронить себя навсегда под подушкой. Но тревога за сегодняшнюю премьеру тошнотой подступала к горлу и требовала максимального сосредоточения внимания на приведении себя в рабочее состояние.

– Сдаюсь, – пробормотала Таня, спуская ноги с кровати, и начала, было, подниматься, как черные тиски с силой сжали ей голову, остекленевшие мозги захрустели, и из самых недр таламуса посыпались неоновые искры. Пришлось вернуть черепно-мозговую коробку в исходное положение. Ноги продолжали свисать безапелляционно. По прошествии нескольких минут тошнота вновь принялась бороться за первенство. Вторая попытка вертикализации Тане удалась. Убедившись в устойчивости собственного сидячего положения, она приложила холодную ладонь правой руки к горячему лбу, а левой рукой подлезла под майку и прикоснулась к тому месту, где должен был быть желудок. Это Светлана Евгеньевна её научила. По её словам этот приём благоприятствовал восстановлению циркуляции энергии по жизненным каналам, нарушенным в состоянии похмелья. Желудок не замедлил

среагировать на реабилитацию потока энергии, и Таня, игнорируя последовательную отключку таламуса и зрительно-го анализатора, в темноте скатилась со своего чердака прямо в смежный санузел, благо был свободен, и выплеснула с разбега в раковину (на поворот в унитаз времени не хватило) желто-вязко-горькое его содержимое. Мгновенно посветлело. Даже полегчало. Но ненадолго. Пришлось, расширяя горловое отверстие протискиванием трех длинных пальцев правой руки, помочь остаткам чуждого покинуть её нутро. Когда выдача отработанного зелья прекратилась, Таня вымыла руки с мылом, почистила зубы, тщательно выполаскивая полость рта, и наконец, умыла многострадальный лик свой. Все эти процедуры она производила, не разгибая позвоночника, продолжая опираться локтями о раковину. Вытерев лицо полотенцем, она решила, что настал момент посмотреть на себя в зеркало. На удивление, увиденное её не шокировало, даже наоборот, вселило надежду. Умиротворенная этой надеждой она села на унитаз, опорожнила мочевой пузырь, поставив тем самым точку в выделении жидкостей из организма.

Натянув банный халат, Таня поковыляла на кухню, где её встретила сочувственным взглядом мать.

– Ой, девушка, что это с вами?

– Ты лучше спроси, что это с вами будет. Сегодня вечером.

Таня села к столу на табуретку и откинулась спиной на стенку.

– Ой, что с вами буууудет!

– Да, – утвердительно закивала Таня, – И братья меч вам отдадут.

– Ну, хоть слова помнишь.

– Ага, помню!

– Рассольчику, или кефирчику?

– Валяйте, маменька, чем богаты.

Мама подала Тане кружку с кефиром, та, поблагодарив её, вышла из хаты во двор и уселась на скамейку. Их дом находился в частном секторе, и бетонный зеленый забор, с красным ромбиком в центре, прятал двор от любопытных взглядов прохожих и проезжих. Буйно отцветшая вишня покрыла тонко-белым ковром землю возле скамейки. Таня, сбросив хилый тапок с одной ноги, принялась ковырять дырку в этом ковре. Земля была влажной от росы и быстро пальцы запачкались чернозёмным месивом. Вид вишни и собственной подетски грязной ноги естественно дополняли прохладу кефира, мирно остужавшую её взволнованные внутренности. Таня откинула голову назад, закрыла глаза.

Она подумала о том, что администрация театра отказалась от гастролей наступающим летом в силу их гарантированной нерентабельности, а это значило, что денег на море

у нее не было. Лето наверняка придется провести в городе, выезжая время от времени на дачу, в лес или на речку с друзьями. Эта, на первый взгляд не радужная, перспектива показалась ей неосуществимой мечтой, главным препятствием к которой была сегодняшняя премьера. Насыщенный ароматами воздух не предвещал ничего хорошего. В лучшем случае их ждал провал, скандал и долгосрочное наказание в виде каких-нибудь принудительных работ в коровнике особо строгого режима.

Таня отчетливо представила себе картину туманного и холодного утра на молочной каторге. Она и старуха Кац, еще не разлепив очей спозаранку, скованные цепями и увязающие в навозе пробираются от коровника к пункту сдачи молока с парными ведрами в руках. Но вот старуха Кац запутывается в шнурках и падает. Её молоко безвозвратно разливается, просачивается в навоз, подогревает его разложение и поднимается удушливой угарной вонью в воздух. Таня, злясь и сочувствуя, кричит ей:

– Почему ты опять напялила эти кеды! Сколько раз я тебе говорила, что по навозу надо ходить в резиновых сапогах!

Она ставит свои ведра и спешит старухе на помощь. Но, оказывается, она тоже в кедах, тоже запутывается и тоже падает лицом к лицу напарницы. На шум выскакивают отовсюду

ду все, кому не лень, но тут же толпа расступается и выходит комиссар Яичко. Он одет в ярко-зеленый кожаный комбинезон и от него несёт брагой. Своим зелёным кожаным хлыстом он обогрывает их обоих и кричит на всю область:

– Ах, вы ссуки недойные! Сговорились завалить мой план! На любимом, на утреннем удое!

Таня и Кац ничего не отвечают и лишь, подкатив по-коровьи глаза, мычат.

– И не называйте меня Яичко, я – Звездный! Я – Звездный!

– Таня! – окликнула её с крылечка мать, – так ты собираешься сегодня что-то делать или как?

– Да, да, иду, – очнулась Таня.

Подцепив лениво тапки, она вернулась в дом.

– 4 -

Санин проснулся в нейтральном настроении, но сразу же приподнял его при помощи кофейного, с коньячным запахом, нектара. Воспоминание о вчерашнем поцелуе Оли подогрело какие-то жидкости в его теле, и, дабы не вскипеть, он схватил гитару и спел “Гоп-стоп, мы подошли из-за угла”.

Общепризнанные красавчики отличаются друг от друга

тем, как относятся к своей красоте. Некоторые из них считают свой дар бременем и пытаются всячески, иногда небезуспешно, нейтрализовать его. Есть псы на соломе, которые своего достоинства не прячут, но и никого к нему не подпускают. Но иногда среди красавцев попадаются кобели настолько высококвалифицированные, что их прозвали ссуками. Санин относился к последнему типу стройных зеленоглазых брюнетов. Он активно пользовался своей природной привлекательностью и своим положением звезды городского театра для пополнения списка покорённых им девиц. Но именно по причине всераспространенного изобилия женского к нему внимания, он старался не заводить романов с коллегами. Вчерашний эпизод явно отклонялся от его кодекса поведения, но он не мог, почему-то, равнодушно отказаться от этого исключения.

Его родители-пенсионеры на прошлой неделе съехали на дачу, оставив его на все лето одного в городской квартире. Побрившись, умывшись, он помедитировал в позе лотоса о вреде воздержания и, принимая душ, мысленно повторил первый и заключительный монологи. Остался доволен.

– Можно перейти к приему яичницы, – решил он, открывая холодильник, – а там, глядишь, и на выход.

Саня зажег огонь под поселившейся на газовой плите в от-

сутствии стариков сковородкой, специально отведенной под спасительные яйца, ловко смазал её соседствующим куском сальца, выплеснул на разогретую поверхность три желтка и столько же белков, посолил и потянулся в холодильник за огурчиком. Огурчика не оказалось. Зато обнаружилось полбуханки хлеба, и это обстоятельство нельзя было не посчитать улыбкой судьбы.

Зазвонил телефон, Саня прикрутил газ и поскакал в прихожую к аппарату.

– Вы дозвонились, поздравляю! Добрый день, вам кто нужен?

– Александр Выпендренович, это вы? – спросил молодой мужской не узнанный голос.

– Нет, это не он, но скоро будет, что передать? Кто его возжелал?

– Не узнаешь, лох провинциальный!

– Лёха, ты что ли?

– Да, я!

– Из Лондона?

– Нет, из морочанской усадьбы Трубных.

– Ты что приехал?

– Нет, прилетел, но не это главное.

– Ой, Лёха! А в чем же суть? – по-детски радуясь возврату друга детства, отвечал Саня.

– Суть, короче, в том, что я вернулся. Навсегда. Надо, конкретно этот факт отметить! Ты меня понимаешь, Саня?

– С полуслова!

– Молодец! Ну, значит, я за тобой после обеда заеду.

– Что прямо сейчас?

– А шо, проблемы? У тебя, что предки дома, так мы в кабак поедем.

– У меня не предки, они свалили на дачу на все лето...

– Так это ж просто рай!

– У меня сегодня премьера, и я в главной роли, понимаешь.

– Ой, ну, вечно разведаешь ты свою самостоятельность в самый неподходящий момент.

– Слушай, давай так, ты приходи на премьеру, а после спектакля, мы подхватим соответствующий женский персонал и поедем в одно место, так отметим, так отметим... и твой приезд и наш спектакль! Идёт?

Алеша замешкался, ему не очень хотелось переносить все на самый вечер, но, похоже, выбора не было. Они договорились о встрече, попрощались. Саня повесил трубку.

Он быстро проглотил закоптившуюся яичницу, оделся и, окрыленный предвкушением отпадного вечера, отправился в театр. Пробежав через дворы, он перешел через дорогу и приблизился к остановке. Посмотрел в направлении, с ко-

тогого должен был подойти автобус, но пыльная даль ничего ему не пообещала. Проанализировав соотношение количества людей на остановке с вероятностью не скорого прибытия общественного транспорта, взвесив свое не терпящее отлагательств желание лететь навстречу ей, или даже не навстречу, то хоть куда-нибудь лететь, он глянул на часы и решил идти пешком. Погода стояла самая, что ни на есть, приглашающая к прогулке. Санин с уверенностью повернул в сторону моста через Ызёлку.

Как так могло получиться, что, почти год проработав в одном коллективе, они друг друга не рассмотрели, а вчера, откуда ни возьмись химия притяжения плюс нирвана на уровне подсознания. Санина забавляло и возбуждало это непредвиденное развитие событий.

Олю же ничего из происшедшего вчерашним вечером не удивляло и не радовало. Она с досадой подводила итоги её первого, подходящего к концу рабочего сезона: две эпизодические роли, одна вторая по значимости и расстроенный разборками с женой изначально многообещающий роман с директором центрального рынка (который сулил профинансировать постановку пьесы о вампирах с Олей в роли предводительши всех вампиров). Её стратегия успеха, по которой она наметила себе, казалось бы, довольно примитивные цели и задачи, увенчалась полным провалом. Что могло быть при-

митивней, чем оболванивание толстого и некрасивого торгаша провинциального пошиба для девушки получившей театральное образование в столице! Так нет же, поджал хвост и вернулся к такой же толстой, некрасивой и даже лысеющей жене.

«Чего можно ждать от жизни, позволяющей преуспевать обрюзгшим, старым и противным?!» – мысленно восклицала Оля.

Расстроенные нервы довели её до срыва прямо на сцене. Само воспоминание о вчерашних слезах ранило её гордость и унижало в глазах этой заколдованной болотной провинции. Она бы ушла немедленно после репетиции, но и дом она не любила.

Это было грязное двухкомнатное убежище, где одну из комнат ещё во время Олиной учебы в Москве оккупировала вступившая в какую-то индийскую секту сестра. Оля, пока училась в Москве, надеялась, что останется там навсегда и не особо препятствовала такому раскладу вещей. Сестра же настолько размахнулась в своем деле по облагораживанию жилища на сектантский лад, что провоняла всю квартиру какой-то жженой пакостью и развесила кругом (даже в туалете!) фотографии улыбающихся разрисованных идидотов. Жизненная активность Олиной сестры сосредотачи-

валась на посещении религиозного логова, пении каких-то непереводаемых бредней и малевании каких-то разноцветных картинок. Мать работала на двух работах: сторожем на комбинате и уборщицей в больнице. Дома её часто не бывало ни днем, ни ночью, поэтому за порядком следить особо было некому. Свой вклад в налаживание домашнего быта Оля ограничила тем, что очистила общие места от вышеупомянутых фотографий и повесила покрывало на дверь в комнату сестры, тем самым предотвратив распространения по всей квартире дыма от жженных сестрою ароматных папок. Вслед за матерью и она ограничила свое пребывание в доме ночевками (когда не проводила время с любовником).

Некоторые причины их нестыковки были понятны Санину. Оля за весь год особо ни с кем в театре не сдружилась и была задействована лишь в немногих спектаклях. “Горе от ума” было первой постановкой, в которой они оба принимали участие. Во время репетиций она держалась по большей части сама по себе. До него дошли слухи, что у нее недавно закончился роман с каким-то местным навороченным, и что она сильно по этому поводу переживала. Санин равнодушно относился к этим женским сплетням. А вчера, то ли потому, что Олины слёзы живой искренностью освежили её голубой взгляд, то ли потому, что Саня, чувствуя себя виноватым в неоднократных попытках срыва генеральной репетиции, по инерции (или по пьяни) взял на себя ответственность и за

выпавшую из орбиты всеобщего веселья девушку, словом, что-то такое непонятное произошло и сблизило их.

Ко всему прочему еще этот пьяный выскочка Санин поджег ей волосы! Чего он только к ней прицепился? Весь вечер, после окончания репетиции, он практически ни с кем, кроме неё не общался. Только мельком обменялся несколькими негромкими фразами с режиссером, наверное, извинялся и перед ним тоже. А потом прилип к ней, как банный лист. Он, конечно, ничего. Мягкие темные волосы, стрижка под Андрея Губина, хитрые зелёные глаза, стройная фигура, но что с него можно взять? Он хоть и ведущий молодой актер театра, но он же ничего не решает при распределении ролей и составлении программы сезона. «А зачем же было его целовать вчера в подъезде на прощание?» – спрашивала сама себя Оля Остапенко. И сама же себе отвечала: «Так получилось...» Весь вечер в ней накапливалась злость на саму себя и на целый мир: похвала режиссера прозвучала как насмешка, затем, подвыпив, она начала, было, отходить, но тут этот туземный танец с поджиганием волос, издевательский запах паленой курицы... Если бы после этого Санин бросил бы её хотя бы на одну минуту, то она бы тут же отправилась топиться со стыда. Он же смог своими дурацкими шуточками и гримасами не только замазать свою вину, но и развеять хмурое настроение Оли, отвлечь её от мыслей о капитальном жизненном провале. Провожая её домой, Санин лез из кожи

вон, разыгрывая неправдоподобные и смешные сценки.

– Девушка, разрешите поинтересоваться, где вас так подстригли? Вы знаете, это просто удивительно, последний писк Лос-Анжельской моды встречается вот так вот невзначай в нашей забытой богом Мороче. Я недавно видел подробный репортаж на тему в одном журнале. Так вот, статья гласила, что аккуратные прически, как впрочем, и бардак в стиле “Я у мамы вместо чего угодно” уже в прошлом. В далеком и невозвратном, как комсомольская юность Мальчиша-Кибальчиша, прошлом! Будущее наступает на нас инновационным совокуплением, размыванием границ между искусством и пошлостью, между грязным и чистым, между гламуrom и колхозом.

Оля сдержанно улыбалась. Санин продолжал:

– Улыбайтесь, Оленька, улыбайтесь! Ослепляйте прохожих красотой своих белоснежных резцов! Будьте щедрее! Пр продемонстрируйте им и клыки, – Санин оказался совсем близко к Олиному лицу, и сосредоточил свой взгляд на её рте. Девушка игриво его оттолкнула.

– Да, с клыками я, похоже, переборщил. Они у вас отдают желтизной. Курить надо бросать, Оленька. И это, конечно, не повод для пренебрежительного отношения к парню, который внес неоценимый вклад в дело модернизации вашей

шевелюры.

– Остепенись, ребенок, а то у тебя сейчас случится удар.

– Нет, тетя, это не удар, это угар, весенний угар страстей...

Как вы не понимаете? Где ваши глаза? Посмотрите на эту зелень, на эти розовые облака, разве вы не слышите, как сама природа поёт всем нам о взаимной любви и ласке.

– Если бы ты не трещал как сорока, то, может быть, я что-нибудь и услышала.

– Умолкаю немедленно!

– Поздно, мы уже подошли в моему дому.

Санин огляделся. Они стояли у подъезда кирпичной хрущевки. Окно на первом этаже было открыто, и в освещенной люстрой комнате виднелась пожилая пара, мирно спящая перед работающим телевизором. Оля скосила на них глаза, давая понять Санину, что они находятся под наблюдением.

– Спасибо, что проводил, – сказала Оля. Она уже поднялась на ступеньки крыльца и открывала дверь в подъезд.

– Может быть, вам пригласить меня на чашечку чая? – предложил Саня.

– Не наглей, с меня хватит на сегодня приключений.

– А я настаиваю, – Санин одним махом проскочил три ступеньки крыльца и оказался как-то так близко, что Оля, поворачивая голову, уткнулась носом в его щеку и от неожиданности замерла. Не столько её смутил мальчишеский напор Санина, как мурашки, парализующим током поднимаю-

щиеся по её спине от копчика к самой макушке, и этот запах здорового, молодого и пьяного мужчины напомнил что-то щемяще родное и давно забытое. Вдохнув его, как городской житель вдыхает морской воздух, едва попав на берег после двухдневного автобусного маринования, она припала своими губами к его и мягко поцеловала. Состоялось обоюдное затмение рассудка. Первой пришла в себя Оля и, отлепившись от Санина, скрылась за дверью подъезда, которая закрылась со скрежетом избы на курьих ножках. Санин вернулся на землю минутой позже, но девушки и след простыл, и он, мечтательно улыбаясь, побрел домой.

Та же глупая улыбка господствовала на его лице, когда на следующий день он входил в театр. На первый взгляд многие были уже на месте, хотя радости по этому поводу никто не ощущал. Яичко катался на своих коротких ножках со сцены за кулисы и обратно.

– А вот и Чацкий, подождем Лизу и приступим, как договорились.

Санин искал глазами Олю, но её нигде не было. Подошел насупившийся Стрелкин, исподлобья посмотрел на Саню, покачал головой, не приводя в движение ни единой мимической мышцы лица. Это он давал понять, что у него раскалывается голова.

– Да, брат, знаю, понимаю и сочувствую, – сказал Санин, продолжая искать глазами Олю. Стрелкин не отставал, пытался привлечь внимание Санина наклоном головы к левому плечу, по-прежнему не изменяя выражения лица.

– Изыди, негодное животное, – махнул на него рукой Санин и прошел в гримерную. В коридоре он увидел Олю, шедшую к нему навстречу.

– О, мадам, вы заставили меня волноваться! Как вы почивали?

– Не жалуясь, – ответила Оля. Она остановилась у входа в костюмерную и прислонилась плечом к косяку закрытой двери. Сложив руки на груди, она согнула одну ногу в колене и закинула её за другую, так что Санин не смог не оценить прелести этой соблазнительной восьмерки.

– А я жалуясь, ох, как я жалуясь!!

– Так, может, к врачу пора?

– Нет, врач мне не поможет.

– А что ж тебе поможет?

– Мне? Вы действительно заинтересованы?

Оля передернула плечами, стараясь изобразить равнодушные, но её подвела её профессиональная способность играть, и она уже начинала раздражаться от Санинских фокусов, как

тот подошел к ней вплотную, и скороговоркой зашептал:

– Оля, милая, мне уже ничего не поможет, я пропал, как пропадает перебродившее тесто, его и чудо не спасет. Но если бы вы сообразовали скрасить мои последние деньки, позволили пред вами в муках замирать, бледнеть и гаснуть...

– Вот блаженство! – ехидно закончила Оля, успев взять себя в руки. Хотя от Санина и пахло непонятно откуда взявшейся солнечной свежестью, как будто он провел все утро на пляже, и его теплое дыхание снова запустило караван мурашек по спине, она не только устояла перед натиском соблазна, но даже сострила:

– Поражена твоими кулинарными познаниями. Не ожидала! Или это тоже реплика?

– Какая разница! Так ты согласна?

– Отстань, Санин, ты лучше сосредоточься на спектакле.

– Согласен, на время затихаю, но после спектакля, возможно, мы того... – он изобразил нечто округлое в воздухе.

– Не знаю, – прошипела Остапенко.

Тут в конце коридора нарисовалась Таня. Со сцены слышались крики Яичко:

– Начинаем, начинаем, прошу всех задействованных в первом акте сосредоточится за кулисами. Давайте, братки,

не подведите!

– Слышишь, не подведи! – обратился он лично к Санину.

Санин тут же изобразил из себя спортсмена, готовящегося к старту, стал разминать ноги, хрустеть шейей и встряхивать руки.

– Да, мастер, я готов!

– 5 -

– Ну, что, поехали? – обратился Семён Семеныч к своему водителю, выходя на крыльцо дома. Володя стоял с Ёсичем возле охранной будки. Они, как обычно, конфиденциально о чем-то разговаривали.

Володя, молодой, здоровый парень с некрасивым лицом, сногсшибательной фигурой и нечистым прошлым, работал у директора уже больше года. Он не делал секрета из того, что сидел, но никто, кроме директора и Ёсича, не знал, за что он сидел. Он был молчалив, и Семён Семёныч ценил его за это. Разве что с Ёсичем они подолгу о чём-то разговаривали. Со стороны могло показаться, что предметы их бесед были чрезвычайно важны и таинственны, но на самом деле они часами обсуждали двигатели, покрышки, приводы, трансмиссии, заглушки и другие автомобильные детали.

– Да, шеф, готов, – отозвался водитель. Он хлопнул доверительно по плечу Ёсича.

– Ну, давай! – спровадил его охранник и зашел в свою будку.

Володя закрыл дверцу за севшим в машину директором. Это было не столько выражением почета к его социальному статусу, сколько необходимостью, вызванной необъятным животом директора. Ёсич запустил механизм открывания ворот, и те плавно начали убираться с пути автомобиля. Машина тронулась.

По дороге на комбинат мысли директора с удовольствием роились вокруг слезоточивых картинок его сегодняшнего утра. Все прошло как по маслу: сын вернулся, жена прилежно подготовилась, они сошлись спокойно, ни холодно, ни жарко, как и подобает нормальным порядочным людям.

До обеда, Алёша привел себя в порядок с дороги и раздал домочадцам подарки. Водителю и охраннику достались футболки с наклейками, изображающими поднятый средний палец ноги, а отец был удостоен настоящего шотландского килта. О существовании Вики сын не мог догадаться, поэтому ей досталась одна из дежурных бутылок шотландского виски. Переглянувшись, отец с женой поменялись подарками.

– На, носи, это тебе больше идет, – сострил отец, протягивая юбку Вике. – А для виски ты еще маленькая!

Все непринужденно рассмеялись. Затем женщина пригласила их к столу, который, надо отдать ей должное, превзошел все ожидания собравшихся.

Сели.

Кружевной и белоснежной пластиковой скатерти не было практически видно из-за обилия блюд. Соскучившийся по родной кухне Алеша, предвкушая пир, потер руки и сглотнул слюну.

– Ну, хоть поем по-человечески! Эти их сэндвичи уже вот где у меня сидят! – он указал ребром руки на собственное горло.

– Окрошечку будешь? – любезно заглядывая ему в глаза, спросила Вика.

– Я все буду! – голодно ответил Алёша.

Начали с окрошки, добавили бутербродов с ветчинным паштетом, прошлись по селедке под шубой, затронули салат куриный с сыром, разнесли баклажанный с грецкими орехами, навернули крабового с кукурузой, закусили пирогами с грибами, слизали пиццу с соленым огурцом, замяли карто-

фельным пюре с голубцами и котлетами. Выпили лишь по три рюмки, так как Алёша своё празднование решил сконцентрировать вечером, а директора после обеда ждало совещание. Водитель за рулем не пил, по крайней мере, при шефе. Охранник из чувства солидарности работников третичного сектора тоже отказался. Молодуха пригубила.

По завершении трапезы Алёша не пожалел о том, что Сая перенес сабантуй на вечер и, воспользовавшись случаем, решил ознакомиться с городскими новостями. Он взял “Морочанские Известия” и растянулся на диване.

С первой страницы он узнал, что на внеочередной отчетно-выборной конференции председателем совета районной ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов (МорАККОР) избран фермер из Рохоровки В. А. Моржов. Статья повествовала о неперспективных проблемах и о проблемных перспективах. Далее, из рубрики “Круглый стол” Алёша был проинформирован о том, что реализацию национального проекта “Доступное и комфортное жильё – жителям России” на территории Морочи решили проводить по принципу кластерной застройки и по-домашнему относиться к окружающему.

На второй странице под названием “Нелегалы в перьях” размещался подробный репортаж о перехвате контрабан-

ды: местные таможенники предотвратили незаконный ввоз в Россию 14 попугаев. Текст гласил: “Пассажирка поезда «Севастополь-Москва» спрятала большую клетку с восемью взрослыми попугаями в рундуке под нижней полкой, прикрыв её личными вещами, а ещё две клетки поменьше с тремя птенцами в каждой упаковала в дорожную сумку, стоявшую под столом. Этот живой груз она не задекларировала и не имела на него никаких ветеринарных документов. А ведь попугаи нередко являются носителями таких опасных для человека болезней как хламидиоз и сальмонеллёз. Нарушительница заявила, что купила, мол, в Мариуполе у какого-то любителя-орнитолога. Все 14 птиц – попугаи корелла. В диком виде они обитают в Австралии. В настоящее время решается вопрос о возбуждении дела об административном правонарушении. А пока место жительства представителей австралийской фауны и по совместительству вещественных доказательств – Морочанская таможня”.

Просматривая эту статью, Алёша задремал. Газета мягко сложила свои крылья и опустилась на живот читавшего. Он так и не познакомился с интереснейшим фактом культурной жизни Морочи. Оказалось, что ныне пожилая учительница русского языка и литературы одной из морочанских школ во времена своей молодости увлекалась спиритизмом. Однажды они с подругами решили вызвать дух Пушкина. При появлении одного девушки попросили поэта сочинить им сти-

хи. На что Александр Сергеич им ответил: “Я бисер не метал для кур, стихов не сочинял для дур...”

В позе дремлющего подгазетника застал сына отец, спустившийся из своего кабинета. Ему было пора выезжать на совещание. Он с лаской посмотрел на возмужавшего парня. Курчавая головушка, рыжие ресницы, золотистая небридность... нет, он казался ещё совсем ребенком.

“Али выдержит Алёша груз ответственности? Достоин ли продлит он дело Трубных по становлению Морочи? Поверит ли ему народ, пойдет ли за ним? – спрашивал сам себя Семён Семёныч. И сам же себе отвечал – Пойдет, пойдет как миленький, куда народу деваться. А Алёшу научим, политика – это, конечно, не в фантики играть, но пришла пора – открывай закрома... да, потратиться придётся на эту предвыборную кампанию”.

Наскочив на мысль о закромах, директор перестал улыбаться своим семейным сентиментализмам и потянулся к портфелю с бумагами, подготовленными Эллаидой для совещания. На официальной повестке дня было обсуждение предложения выпуска новой продукции и расширения рынка сбыта. Неофициально же выражаясь: занозой в пятке у Семёна Семёныча застрял маслозаводик Мельникова.

Несколько лет назад этот хандрящий фермер продал свое хозяйство, переехал поближе к городу и запустил кустарное производство мороженого. Дело изначально шло курам на смех. Во-первых, он снесся зимой, а зима выдалась редкостной: температуры опускались до тридцати пяти градусов, и типичные для русской зимы перебои с отоплением не благоприятствовали расширению потребительского спроса населения на мороженое. Во-вторых, основным его продуктом было мороженое типа пломбир, и те заядлые любители, которые не отказывали себе в этом лакомстве даже в сурово препятствующих климатических условиях, предпочитали знакомый и любимый пломбир от бесспорного лидера отрасли завода “Холодок”. Под конец зимы у Мельникова сломалась электрогидравлическая компонента его итальянского оборудования, и на ремонт он потратил свои последние нервы. После ушел в запой.

Вернувшись из запоя, Мельников обнаружил, что на дворе случилась весна. Тоска по пашне зазеленела в его сознании. С чувством непоправимой утраты он вернулся на, увы, не свою ферму, прошелся по преданным им землям. Весенний ветер наполнил влагой его глаза. Однако, повнимательней взглядевшись в структуру разделки почвы, он, не без интереса отметил некоторые новшества. Из разговора с новым хозяином Костя Мельников выяснил, что тот отказался от производства малорентабельной кукурузы. Вместо нее он

усвоил взаимоувязную технологию выращивания винограда и земляники, которая позволяла бы ему за счет быстрого возврата затрат с помощью солидной прибыли от земляники компенсировать высокую стоимость создания виноградника и поздний возврат от солнечных гроздьев. Пока новоиспеченный фермер расписывал бывшему взаимовыгодность виноградно-земляничного союза, в голове последнего родилась заманчивая идея о новых возможностях для его многострадального от замороженного бизнеса.

– Ягодка, она всегда манила и детей и взрослых, – говорил его собеседник.

– Ты прав, – мечтательно соглашался Костя.

Вернулся он домой в состоянии духа абсолютно противоположном исходному: от грусти не осталось и следа, жажда инновации и творения щекотала фантазию.

Он уехал на месяц в Неаполь, погостить к двоюродной по матери сестре, которая служила сиделкой у старого вдовца. В ходе итальянских каникул он не только раскрыл выходящие далеко за сиделочные отношения между его кузиной и её вдовцом, и не только познал базисные секреты производственного цикла многочисленных сливочных и фруктовых видов итальянского ремесленного мороженого, но и соблазнил одного молодого неаполитанского мороженщика на пе-

реезд в Морочу. Какие доводы он использовал в свою пользу, осталось для сограждан Мельникова тайной. Поговаривали даже, что Лучано сам напросился в Россию, ускользая от местных кровожадных мафиози. Как бы там ни было, пред обольстительно жгучим взглядом не совсем высокого и не очень стройного неаполитанца безоговорочно капитулировала женская половина города, мужское население любило его как Чебурашку, а сексуальное меньшинство негласно избрало его своим художественным символом.

В середине лета, после нескольких головокружных месяцев обустройства кафе-мороженого, сработавшиеся партнеры открыли его двери для морочанцев и гостей города. И любопытство посмотреть на итальянца до такой степени наполнило их кассы доходами, что, подсчитав после закрытия выручку, Мельников признался в любви своему напарнику и присвоил ему почетное звание “Главного двигателя торговли всея Руси”.

Дела фирмы “Костя унд Лучано” (где немецкий соединительный союз между русским и итальянским именами означал солидарность компаньонов по вопросу принятия России в Европейский союз) пошли как по маслу. На следующий год они расширили свой ассортимент с десяти до двадцати видов мороженого, причем фруктовые виды менялись в зависимости от сезона: в июне упирали на клубнику и земля-

нику, в июле на абрикосы и персики, в августе малинили и крыжовничали, а в сентябре сливили и виноградили. В городе пошла мода на их мороженное. Знакомые при встрече обсуждали любимые вкусовые комбинации, от извращенности которых иногда Лучано выговаривал длинные итальянские скороговорки, которые морочанцы, конечно, не понимали, но они им очень нравились.

– Мамма мия! Ма комэ си фа а манджярэ уна симиле скифэцца! Соло вой потэтэ комбинарэ чоколато амаро кон чоколато ал латтэ! Чоколато дэвэ ессерэ мискьято кон и фрукти! Инкредибиле, инкредибиле! – говорил бывало он.

На что умиленный покупатель отвечал:

– Ой, Лучано, как ты красиво говоришь! Скажи что-нибудь ещё по-итальянски.

Через три года от избытка капитала они открыли маслозавод, запустив три линии производства: сливочного масла “Хуторок Элитный”, глазированных сырков “Лукьяша” и стерилизованных сливок “Костяша”.

Семёну Семёновичу их заводик застрял костью в горле, не потому что теперь морочанско-итальянская парочка замахнулась на его долю рынка (ММК тоже выпускал элитные сорта сливочного масла и сырки), а потому что малое предпринимательство, как категория, раздражало его. Атрофирован-

ная от водки и старости гибкость ума позволяла ему мыслить только крупными категориями. Привыкнув всю жизнь иметь дело с большими размерами и объемами, он с трудом мог сосредоточить своё внимание на маленьких производительных единицах, войти в суть их существования, понять что позволяет им выживать. Знание того, что их появляется всё больше, вызывало рябь в мозгах у Семёна Семёныча, а уж мелкие бизнесмены молочного сектора, считал он, должны были все удушиться от пердежа собственных недоразвитых заводиков, чтоб не мучить его. То что, Мельников и его неудавшийся мафиози не только продолжали жить и здравствовать, но ещё и множили своё богатство, повышало у директора артериальное давление и призывало к действию. Раз эта несовершенная рыночная система сама не может справиться с такой недобракачественной опухолью, как компания Мельникова, то поможет ей Семён Семёныч.

Трубный начал издалека. Первым делом он заказал статью в “Морчанских Известиях” о связях Лучано с неаполитанской мафией, использующей морочанское фруктовое мороженое как прикрытия для отмывания грязных денег. Завербованный журналист озаглавил пресловутую статью “Спрут добрался до Морочи”. Жители города, не имеющие привычки и времени для внимательного ознакомления с содержанием прессы, решили, что комиссар Коррадо Катани, герой популярнейшего в Мороче итальянского сериала о борьбе с ма-

фией, в скором времени придет навестить своего друга Лучано. В результате популярность “Кости унд Лучано” только возросла, бабушки и подростки наведывались узнать “скоро ли?”, а прыщавые барышни наводнили курсы итальянского языка в частной школе “Лингва”. Находчивые компаньоны выпустили по случаю новый сорт шоколадных сырков под кодовым названием “Осьминожка”, который тут же стал народным символом в борьбе с наркотиками.

Трубный был поражён, но не сражён. Мысль о помиловании промелькнула в его голове, но не убедила. Весь этот детский лепет о “Костяше”, “Лукияше” и “Осьминожках” бесил его и требовал расправы.

Семён Семёныч прибыл на комбинат. Он привычно, безмолвно, кивнул Эллаиде Мифодьевне, на что она с готовностью встала, и пока он шел через приёмную, скороговоркой доложила ему, что все уже собрались у него в кабинете. Директор открыл дверь, поздоровался. На заседание были созваны приближённые к директору уважаемые им сотрудники. Их было пять человек: заместитель директора по сбыту, заместитель по производственной части, начальник цеха, заведующая закупочным отделом и, в углу, за отдельным столиком, сидела Эллаида. Она писала никогда никем неостребованные стенограммы заседаний.

Подойдя к своему столу, директор сказал:

– Уважаемые коллеги! – обращение было подано с иронической паузой между двумя словами, его составляющими. Некоторые из собравшихся восприняли это как намёк на то, что они не столь уж и уважаемы, остальные же интерпретировали иронию как указ на то, что они плохо работают и, следовательно, мало достойны зваться коллегами выбившегося из сил директора.

– Дальнейшие танцы дождя с вызовом грозы на голову конкурента не уместны, – Семён Семёныч вытер пот со лба и затылка.

– Ситуация требует действий прямых и окончательных, – он сложил платок и положил его в карман.

– Мы не можем спокойно сидеть и смотреть, как у нас из-под носа уводят покупателя, – директор с трудом сел.

Садился он поэтапно. Сначала медленно сгибал колени, держась за край стола двумя руками, начинал опускаться, но терял равновесие, когда между его задом и сиденьем кресла оставалось сантиметров двадцать, и стремительно преодолел эту дистанцию в свободном падении.

– Какие будут предложения? – выдохнул он, располагая локти на подлокотниках.

Слово взял заместитель по сбыту, не уступающий директору в грузности, краснощёкий Олег Игнатьевич Суриков. В

ходе своего доклада он поведал собравшимся, что система формирования политики предприятия по противостоянию конкуренции ещё только начинала выстраиваться. Шла творческая работа, связанная с осмыслением, в том числе, и критериев по зондированию и восполнению незаполненных торговых ниш, шла проработка целесообразных способов создания спроса на новоизобретенный, исторически неизвестный или ранее недоступный покупателю продукт. ММК долгое время сохранял позицию неоспоримого лидера, то бишь фактического монополиста в молочном секторе районной торговли. Появление мелкого бизнеса не только изменило положение предприятия, оно, к тому же, грозило мутациями самой структуры рынка, вследствие чего выработка долгосрочных программ действий могла оказаться непродуктивной. Крупномасштабные инвестиции в ближнесрочной перспективе также были не рекомендуемы. Рекомендуем же, с точки зрения Олега Игнатьевича, был упор на “выигрышные товары”.

С ответным словом выступил заместитель по производственной части Григорий Грушин. Он рассказал об успехах микробиологической лаборатории по выводу и тестированию новых бактериальных культур, о том, что вскоре ММК сможет, при желании, запустить производство ацидофилина – полезнейшего молочнокислого продукта.

Семён Семёныч прервал речь выступавшего, поняв, что сотрудники его не поняли:

– Это всё прекрасно, но не то, – недовольным тоном про бурчал он.

Разочарованным жестом он распустил совещание. Очевидность того, что ему не удалось передать его сотрудникам степень собственного напряжения по Мельниковскому вопросу, рождало в нем чувство донкихотского одиночества. Он достал из секретера коньяк и стопку, откинулся в своем черном, мягком, кожаном кресле на колёсиках. Коньяк был хороший, и стопка по размерам приближалась к стакану. Семён Семёныч открыл бутылку, наполнил сосуд на две трети и выпил. Снова налил. Со второй рюмки можно было начинать мусолить с видом истинного знатока. Оттолкнувшись ногой от стола, он медленно прокрутился на четверть оборота и, подгребая носками по полу, завершил полуоборот, который открыл ему вид на карту области, висевшую за его спиной.

– Я согласен, – объяснял он воображаемому собеседнику, – коньяк – благородный напиток. Это тебе не водка: пшеничная, простая и прозрачная. Коньяк – это столетние бочки, выдержка, всякие там французские выкрутасы. Его надо пить со знанием дела, так сказать, вкушая аромат, внимая букету. Но русский не может не жахнуть, хотя бы для начала.

Нам надо сначала жхнуть, бо душа горит, а потом можно переходить к художественной части.

Наслаждаясь художественной частью питья, директор сощурил один глаз и смотрел другим на следы напитка, стекающего по внутренним стенкам рюмки. Золотистые тягучие струйки медленно возвращались на исходную глубину. Предвечернее летнее солнце ярко подчеркивало разницу между сухой и смоченной частью стекла. Директор от любопытства склонил голову и как замороженный смотрел на игру света в жидкости.

– Вот, светило, – обратился напрямую к солнцу директор, – много лет назад ты светило на виноград в какой-то далекой земле и помогло ему вызреть. А теперь, вот, я пью то, что из этого винограда получилось, и ты опять же оживляешь своими лучами и цвет, и запах. Винограда нет, он переродился в нечто, о чём и не подозревал. Придет день, и меня не станет на этой земле, и кто знает, каким он будет... Моё потомство... А ты будешь также торчать, на этом же небе, вечная твоя морда... – Семён Семёныч не закончил.

Взболтнув коньяк, он допил остатки. Моменты поэтической грусти редко навещали директора, и он не знал, как с ними должно было себя вести. За неимением лучших идей он вернулся к столу и налил снова. Вышла на связь Эллайда

с напоминанием о том, что завтра утром у него приём, после обеда торжественная церемония вручения дипломов в сельхозучилище, и вечером банкет по этому же поводу. Поблагодарив её, директор лениво пролистал оставленные на его столе отчеты подопечных, еще раз убедившись, что в письменной форме они были также скучны и бесполезны, как и в устной. Запах коньяка снова привлек его внимание, и он повторил упражнение творческого погружения в себя с полуоборотом вокруг собственной оси, в надежде на то, что на сей раз его посетят не философские, а прагматичные идеи. Дабы катализировать практичность мысли по выработке прибыли, необходимой для оплаты предвыборной кампании Алёшки, директор направил призму коньячного стакана не на солнце, а на карту области.

Среднеморочанская долина заиграла медовыми берегами, и реки все как по команде сделались молочными. Буйный Раскол омывал Гривеньское прихольмье. Мелководная Ломать выдавливала редкие, но жирные удои из Татаринского предместья, недаром там обосновались два крепких фермерских хозяйства. Козюлька подбирала капли у села Большое Городище, полнела, протекая через деревню Сухой Колодезь, и окончательно набирала силу у Урыв-Покровки. Красавица Ызёлка гордо полнела, ярко усеянная дачными и приусадебными участками от Морочи до самого областного центра. Все они вливались в огромное сливочно-коричневое Морочанское молокохранилище. Оттуда млеко посту-

пало в цеха ММК, где, пройдя стерилизацию, пастеризацию и высокочастотную дарсонвализацию – по уникальной космической технологии – получалось новахавское, никогда не портящееся, но совершенно не утратившее своих вкусовых и питательных качеств молоко.

Вот оно! Вот, с таким продуктом можно размахнуться! Запатентовать систему обработки и остаться его единственным производителем. Мельниковы и Лукьяши отдыхают. В гробу. Скоропостижно скончавшись от лихорадочного банкротства. В то время как Семён Семёнович Трубный, изобретатель вечного молока здравствует и богатеет ни по дням, а по часам. Чудо-молоко! Такой товар можно складировать на неограниченный срок, компенсируя неудойные года. Можно построить всероссийский молокопровод, который будет подавать молоко, наравне с горячей и холодной водой, к любому желающему конечному потребителю. В каждом доме, детском саде, школе, ресторане, кафе, больнице, поликлинике и даже парикмахерской установят третий кран. Наравне с горячей и холодной водой люди будут потреблять молоко. Сбудется мечта всех несостоявшихся Клеопатр, они тоже смогут принимать молочные ванны, и нужно будет всего лишь открыть третий кран. В парках заботливые градоначальники водворят молочные фонтаны, которые будут выдавать монопорции летом охлажденного, а зимой горячего с мёдом напитка. Семён Семёныч выведет молочный бизнес

на невиданные доселе исторические масштабы. Иностранцы всех материков будут приезжать к нему делегациями, чтобы закупить технологию и перенять опыт. О нём будут писать докторские диссертации по потенциальной экономике развития целостности сбалансированных проектов. О его жизни и деятельности снимут художественные и документальные фильмы. Он станет русским Билом Гейтсом. Он обоснует в Мороче университет, куда пригласит работать все некогда утекшие из России мозги. Среднеморочанская долина переплюнет Кремневую по концентрации высокобиотехнологичных компаний. Заработанные на молоке деньги будут вложены и в разработку новых ноу-хау. Здесь изобретут среди прочего низкокалорийное сало, палочку для самосушения молока и целительную водку, от потребления которой очищается печень и повышается эластичность сосудов. Неисчислимая прибыль посыплется в карманы Семён Семёныча. От денег ему некуда будет деваться. Чем больше он их будет тратить, тем проворнее будут пополняться его закрома. Он построит внукам замок в Карелии, а правнукам купит маленький Гавайский остров. В Мороче ежегодно будут проводить международный кинофестиваль, и мировые звёзды будут счастливы посетить эту сказочную землю. Алёшку, после стажировки на Мороче, Семён Семёныч сделает сначала губернатором, потом министром (сельского хозяйства или, на худой случай, культуры), а после президентом.

Опустевшая бутылка заставила его очнуться. Уже на выходе из молочно-коньячного транс директор оглянулся на свою изошрённую фантазию и со вздохом покинул её. Какой размах! С его-то амбициями и полётом мысли он вынужден был заниматься мелководничеством с сопливыми Мельниковыми.

- 6 -

Вернувшись домой, Лена застала мать за приготовлением ужина. С тех пор как Лена начала работать, они жили вдвоём с матерью. Бабушка переехала в частный сектор в полуразрушенный дом, доставшийся ей по наследству от умершей двоюродной тётки. Взявшись со свойственной ей энергией за ремонт, она за два года успела превратить рухлядь в сказочный теремок, не без задействования бесплатной рабочей силы её дочери и внучки в ходе реставрационных работ. В последнее время бабушкино-материнская коалиция, некогда сплоченная во имя воспитания Лены, уступила место союзу Лены с мамой, объединившихся для защиты своих прав и свобод от бабушкиных посягательств. Свобод, неожиданных, но тут же полюбившихся, возникло много. Лена и Наталья Фёдоровна могли теперь не мыть посуду сразу же после еды, могли неделями не убирать в квартире, могли приглашать к себе друзей и засиживаться с ними допоздна. Они придумывали вероятные и невероятные отговорки для того, чтобы

не идти помогать бабушке с ремонтом дома, выгораживая друг друга и подтверждая взаимные алиби. Свобода опьянила их до такой степени, что, вступив на пагубную дорожку вседозволенности, они потеряли чувство меры, переступили порог рационального – и закурили. Разумеется, и эта гибельная страсть скрывалась от Оксаны Викторовны.

Лена рассказала маме о приезде сына директора и о рвении Кристины к плетению сетей. Наталья Фёдоровна уже успела полюбить новую сводническую идею и, не теряя времени, созвонилась со подругой. Та обещала забежать к ней попозже, чтобы подробно и обстоятельно обсудить план. Не успели они докурить сигарету после ужина, как Кристина Вячеславовна уже звонила в дверь. Лена оставила их на кухне и пошла одеваться. Сегодня вечером она шла в театр на премьеру.

– Вот, мы о судьбе её печёмся, а она в театр собралась. Тут серьёзный разговор, столько всего надо обсудить!

– Вот, вы и обсуждайте, даю вам катр-бланш!

– Никуда не убежит от тебя театр! Можешь в другой день сходить.

– Так сегодня же премьера! К тому же мы уже билеты взяли.

– Ой, ну и молодежь пошла! Одни развлечения в голове!

Голосовые интонации матери не прятали наигранной досады и мнимой усталости от упрямого нежелания дочери думать о своём будущем. Лена давно усвоила уловки, позволяющие ей держаться подальше от низменных и никчемных паутиноплетений увядающих, но не теряющих веру в необходимость моделирования чужих жизней по лекалам собственных убеждений баб. Она понимала, что тётки посягали на её свободу из исключительно благих намерений. Но именно эта подлая доброта их благих намерений исключала открытое противостояние поколений. Сколько раз полный трепетной надежды взгляд матери обезоруживал Лену, лишая её воинственного настроения, необходимого для борьбы за возможность самостоятельно распоряжаться своей жизнью. Обе они хотели одного – Лениного счастья – но понимали они это счастье по-разному.

Лена торопилась покинуть компанию теток и не стала долго задумываться над туалетом. Она натянула дежурное клетчатое платье с золотыми пуговицами, купленное в элитном секонд-хенде, освежила макияж. Разнонаправлено волнящиеся темные волосы туго стянула на затылке. Заглянула на кухню только чтобы попрощаться, но не тут-то было.

– Ну, ты хоть покажись, как ты в театр собралась?

– Ой, ну, без Грыця и вода не освятится!

– Ну, красавица! ну, красааавица! Жаль, что только жених

тебя твой не видит, – одобряла мама.

– Леночка, – встряла в разговор Кристина Вячеславовна, – кстати, о женихе, я Ёсичу дала задание. Он на днях сфотографируется с Алёшой, мол, на память, для себя. Ну, как только фотографию проявит, так я тебе её сразу и передам. Чтоб ты хоть знала, как он выглядит! А то охотимся, и сами не знаем на кого! Вдруг по улице мимо пройдешь и не узнаешь даже.

– Хорошо, спасибо. Ну, я пойду. Пока, – девушка помахала им на прощание и удалилась.

Доехав до театра, она стала прогуливаться перед входом в ожидании бывшей одноклассницы Алины, известной так же под прозвищем “вроде-не-уродина”. Сей нелестный ярлык изобрела она сама. Подтверждением тому служило картавое произношение обоих “р” в прозвище. Однажды, жалуюсь подруге, имя которой легенда не уточняет, на недостаток внимания со стороны противоположного пола к её особе, Алина недоумевала о причинах подобного положения дел:

– Вроде не уродина...

Действительно, Алину нельзя было назвать уродиней. Нос с горбинкой, пористая кожа, чернеющий пушок над верхней губой не делали её красавицей, но элементарные меры ухода за лицом и простой макияж запросто поправили бы дело. При профессиональном подходе из неё можно было бы

запросто сделать стильную и интересную девушку. Проблема заключалась в том, что она почти не следила за собой, и многие подозревали, что даже такой общераспространённый предмет подмышечной гигиены, как дезодорант-антиперспирант, не занял достойного места на её ванной полке.

Лена, пренебрегая предрассудками о наружности, разделяла с Алиной любовь к театру, так как больше не с кем было.

Уже прозвенел первый звонок, почти все зрители прошли в зал. На крыльце театра осталась только молоденькая учительница, её подруги всё ещё не было видно. Со стороны главпочтамта к театральной площади подкатила машина, и из неё выскочил молодой человек. Он скорым шагом направился к театру, пробежал вверх по лестнице.

– Девушка, – обратился он к Лене, – вы не меня ждете?

– Нет, не вас, – надменно и нервно ответила Лена.

– Жаль, – Лёша почесал у себя за затылком, – а где здесь у них касса, или что-то в этом роде.

– Касса при входе направо, только билеты все уже давно проданы.

– А у вас лишнего билетика не найдется?

– Нет, к сожалению не найдется.

– Тогда, может быть, вы со мной пройдете в кассу, попы-

таем счастья вместе, – подмигнул ей Лёша.

– Да вот, бежит моё счастье, – кивнула Лена в сторону палёного Ильича. Оттуда на полусогнутых, непривычных к каблукам, ногах, подмахивая пластиковым пакетом, словно флагом, с усталым улыбка-подобным оскалом, неслась Алина.

– Везёт же вам, – ехидно улыбнулся парень и скрылся за дверью. Оставшись на крыльце, Лена слышала, как он прошёл по пустому вестибюлю, остановился у кассы и сказал:

– Добрый вечер, простите, я предполагаю, что мой друг Санин должен был оставить мне что-то вроде билета или пропуска, или что тут у вас полагается в таких случаях.

– Полагается приходить во время, прежде всего, – ответила женщина со свойственным некоторым театральным касиршам высокомерием. По случаю премьеры она была причесана в стиле Екатерины Второй и надушена духами “Терпкий остров”.

– Вы не поверите, но я только сегодня из Лондона, специально к премьере приехал, торопился, как мог, но все же... извините!

Кассирша, конечно, не поверила, а подслушивающая Лена замерла. Её глаза стали медленно расширяться. Тут наконец подошла запыхавшаяся Алина. Ступеньки дались ей особенно тяжело, и она на момент прислонилась к колонне. Лена стала делать ей знаки, чтоб она затаилась, и продолжа-

ла напряженно подслушивать голоса, доносящиеся из фойе театра.

- Фамилия, – спросила у Леша неподкупная кассирша.
- Трубный, – ответил Леша.

Лена побледнела.

- Документ есть?

Прозвенел второй звонок. Алина рванулась к входу, Лена её задержала, скорчив умоляющую мину.

– Женщина, может быть вам еще и справку о несудимости предоставить, – взмолился сын директора, – вы что боитесь, что я бомбу в театр пронесу?

- Идём! – шипела Алина Лене.

– Бомбу, – усмехнулась кассирша, а затем строгим голосом вынесла приговор: – Пройдите к лестнице, спросите Настасью Филипповну, скажите, чтобы она провела вас в режиссёрскую ложу.

– Ну, наконец-то, – произнесла наигранно громко и раздраженно Лена, потом взяла подругу за руку и поспешила вовнутрь.

Войдя в театр, она увидела Лёшу, говорящего в фойе с

одной из контролёров. Когда они с Алиной подбежали к контролю билетов, он уже поднимался вверх по лестнице.

Не смотря в его сторону, девушки повернули в партер. Дверь за ними закрылась, прозвучал третий звонок. Извиняясь перед сидящими, они прошли на свои места. Скоро в ближайшей к сцене ложе открылась дверь и Лена проследила за молодым человеком, чей профиль на мгновение проявился в освещённом дверном проеме.

– В чём дело? – шёпотом спросила Алина.

– Потом, – ответила Лена. Соседние сидения зашикали, девушки умолкли. Свет закончил гаснуть, начал открываться занавес.

Смотрела Лена первое действие, да не видела его. Её внимание захватил Лёша. Она часто косила взгляд на его ложу, но его не было видно. Она думала о том, как мог бы сложиться её вечер, если бы она, неважно в силу каких порывов или обстоятельств, приняла бы его приглашение. Наверное, сейчас они сидели бы там, наверху, одни в пустой режиссерской ложе, и, может быть, комментировали спектакль, или же, не стесненные шикающими соседями хихикали бы над ничего не подозревающими зрителями, подшучивали над прическами и нарядами собравшейся на премьеру публики. Время от времени проскальзывал бы вопрос личного характера. Она дала бы понять, что свободна не только сегодня вече-

ром, но и по жизни, он бы пригласил её не покидать его и после спектакля. Ах, как непростительно далеко отбросил её всего лишь один неправильный ответ, какой-то миг, какое-то неважное слово! Как близка и прыщава была Алина, и как высок и невидим был Алексей! Если бы только можно было вернуться назад и всё заново пережить! Бесполезно, совершенно бесполезно было терзать себя ничемными угрызениями. А вдруг ещё не всё потеряно? Ведь он же сидит в одном с ней театре. Может в антракте она его увидит? И что делать в таком случае? Ненавязчиво атаковать, рискуя дружбой Алины, или же войти в его поле зрения и уже не выходить оттуда ни под каким предлогом. А что делать с вроде-не-уродинной? Придумать всё разрешающего хода у Лены не получалось. Она и не заметила как первый акт закончился, и вздрогнула от неожиданных для неё аплодисментов, разбавленных редкими свистами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.